

ВИКТОР ЗАЙЦЕВ

ПРОВЕРКА
БОЕМ

Обратной дороги нет

Виктор Зайцев

**Дранг нах остен по-
русски. Проверка боем**

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Зайцев В. В.

Дранг нах остен по-русски. Проверка боем / В. В. Зайцев —
«Издательство АСТ», 2022 — (Обратной дороги нет)

ISBN 978-5-17-150301-7

Нашим современникам, попавшим во времена Ивана Грозного, удастся с помощью наемников закрепиться в Европе, основав там свое государство – Новороссию. Европа притихла в ожидании, а наши герои начинают движение на восток. Они спешат отрезать Турцию от Аравийского полуострова, никому пока не нужного и слабозаселенного. Спешат перекрыть европейцам пути в сказочно богатую Индию и Америку. Борьба за будущее России в самом разгаре.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-150301-7

© Зайцев В. В., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	17
Глава третья	27
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Виктор Зайцев

Дранг нах остен по-русски. Проверка боем

Серия «Боевая фантастика»

© Виктор Зайцев, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Глава первая

Южное солнце уже поднялось, но земля еще сохраняла остатки ночного холода. Самое приятное время в пустыне, чтобы двигаться вперед. Через пару часов даже дуновение ветра не спасет путника от зноя. Неширокая тропа шла навстречу восходящему солнцу, виляя между каменными россыпями и зарослями верблюжьей колючки. С холма, на котором лежал Макс фон Шмелинг, без бинокля было видно верст на десять вперед. Воздушное марево нагретого воздуха, скрывавшее преграды и менявшее перспективы в течение всего жаркого пустынного дня, еще не появилось, холмы и барханы не плавали в воздухе, а прочно стояли на своих местах. Однако офицеру было не по душе внешнее спокойствие пейзажа. Он упорно, метр за метром, осматривал в бинокль предстоящий участок пути, надеясь обнаружить засаду.

– Есть, – не удержался от возгласа Макс. В паре верст впереди он заметил цепочку верблюжьих следов и нескольких мелькнувших человек, поспешивших укрыться за холмом. Обнаруженная засада согрела гордостью за хорошее предчувствие, но подпоручик не спешил, продолжая проверять в бинокль остальные укромные места. За двадцать минут он обнаружил еще пару мест с явными признаками человеческого присутствия. Все, можно трогаться в путь, разведчик встал, повернулся назад и трижды развел над головой руки, подавая знак к движению колонны вперед.

Пропустив бронированную машину разведки, Макс на ходу забрался в кабину неторопливо переваливавшего через барханы и пригорки грузовика. Показал водителю три обнаруженные засады и открыл окошко в кузов.

– Парни, через полторы версты засада справа. Дальше две группы слева, других не заметил, будьте внимательнее.

Капрал Мильке понимающе кивнул, а фон Шмелинг уже брал в руки микрофон и переключал рацию, чтобы передать сведения о засаде всей колонне.

Впрочем, колонна была невелика: в распоряжении подпоручика был один взвод пехоты, три минометных расчета да отделение саперов и ремонтников. Самые важные для подразделения люди, без преувеличения, поскольку двигался усиленный взвод на шести грузовиках и одной машине разведки. И от скорости движения техники зависела жизнь взвода в пустыне, что давно поняли все бойцы, вчерашним вечером покинувшие крупный оазис Табук. Третью неделю отряды русских войск двигались от побережья Ливана в глубину Аравийского полуострова. В основном действовали силами от взвода до роты, при необходимости объединяясь в более крупные подразделения. Сам фон Шмелинг такой необходимости не встречал, пройдя без потерь более трехсот верст и захватив восемь селений и оазисов.

Но, по сообщениям соседей, в долине реки Евфрат пришлось собрать целых две роты и подтянуть орудия, чтобы захватить особо крупный городок. Слава богу, здесь, в пустыне, одного взвода было более чем достаточно, чтобы расправиться с любым отрядом аборигенов.

– Кажется, накаркал, – ухмыльнулся подпоручик в предвкушении настоящего боя. До этого времени его солдатам приходилось разгонять трусливых охранников и телохранителей местных шейхов. Давно хотелось испытать себя и своих парней в настоящем бою против превосходящих сил противника. Кровь поколений славных баронов фон Шмелингов бурлила в молодом человеке.

Машины неторопливо двигались к засаде, объезжая невысокий холм, за которым явно скрывались турки или арабы, а может, турецкие арабы или арабские турки, – враги, одним словом. Метр за метром приближалась колонна к тому месту, откуда уже откроется засада. Так и есть, из-за холма с криками и воем на небольшую колонну вынеслись полсотни всадников на верблюдах.

– Дум-дум-дум-дум, – загрохотал пулемет на передовой машине, опрокидывая верблюдов вместе со всадниками на землю. Ему вторили резкие щелчки ружейных выстрелов из смотровых щелей, за считанные секунды выбившие из седла добрую половину растерявшихся арабов.

Подпоручик осмотрелся, остальные засады не проявляли себя, и Макс решил оторваться, пострелять из карабина. Все офицеры в германском корпусе были вооружены карабинами, легким и дальнобойным оружием, не чета простым ружьям. Скомандовав водителю остановиться, фон Шмелинг положил цевье карабина на специальный упор открытого оконного проема в дверце кабины, привычно выискивая дальние цели. Ага, те двое, явные командиры, поскольку собираются сбежать на своих жеребцах. «А жеребцы-то нам пригодятся», – мелькнула глупая мыслишка, пока палец нежно выжимал спусковой крючок на себя. Выстрел, другой, третий. Больше, увы, никого в седлах не осталось.

– Второе отделение, добить раненых, забрать трофеи, – скомандовал в микрофон рации подпоручик. – Остальным продолжать движение. Впереди еще две засады, не меньше.

Две следующие засады атаковали одновременно, напали на небольшой караван с двух сторон. Два отряда по полсотни всадников на верблюдах и конях, обстреливая из луков технику, стремительно сокращали расстояние до машин. Однако даже на полном скаку добраться до каравана удалось лишь десятку туарегов. Своими копьями они едва успели ударить бронированные кузова, как тут же упали под колеса машин. На сей раз солдаты выскочили добивать раненых и собирать разбегавшихся верблюдов и коней, не дожидаясь команды. Подпоручик не стал обижаться, в тренировочном лагере русские инструкторы любили повторять о разумной инициативе на поле боя. Сейчас она виделась исключительно разумной.

Эта короткая стычка задержала небольшой караван на час, но позволила впервые опробовать разработанную тактику боя в пустыне, на марше. До этого времени взводу приходилось только штурмовать редкие селения, вести бой в пешем порядке.

Стрельба из транспорта изучалась лишь в тренировочном лагере, холостыми патронами. Сегодняшними результатами подпоручик остался недоволен: на каждого убитого оборванца пришлось пять выстрелов из ружей и карабинов, не считая пулеметных лент. С такими затратами боеприпасов до Мекки не добраться, дай бог, на Медину хватит. А идти к побережью за подкреплением и боезапасом означало терять время и делиться победами. Соседи могут опередить, и придется заниматься тыловым обустройством. Дело, конечно, важное, но бароны фон Шмелинги всегда были первыми, и уступать право первым захватить оба мусульманских святилища – Медину и Мекку – подпоручик никому не собирался.

Вскоре, после погрузки трофеев и создания небольшого табуна позади отряда, в виде трех десятков верблюдов, колонна двинулась дальше. Визуальная разведка ничего не показала, потому впереди отряда отправились два отчаянных шваба, гарцуя на трофейных конях. Подпоручик скомандовал прибавить скорость движения, надеясь добраться до Медины к завтрашнему вечеру, если не раньше. Оставалось им пройти чуть больше двухсот верст, при средней скорости движения порядка двадцати верст в час. Главное, не сбиться с караванной тропы, хоть и узка, да хорошо заметна.

Фон Шмелинг внимательно глядел вперед, высматривая возможные опасности, и неожиданно вспомнил, как год назад очередной раз развернул свою судьбу на сто восемьдесят градусов. Тогда, после трех лет успешной работы на горно-обогатительной фабрике, он вернулся домой, выкупил родной замок на заработанные средства, намереваясь остепениться. Ремонт, налаживание хозяйства некоторое время доставляли радость, удовольствие от возвращения к молодости. Но быстро надоели: сонная жизнь австрийской провинции слишком контрастировала с проведенными на службе у русов тремя годами активной работы. Несколько поездок ко двору эрцгерцога не принесли удовлетворения, там неслась своя жизнь модных новинок, сплетен и постоянной зависти.

К Макс, выкупившему заложный замок, побывавшему в плену у русов, относились по-разному. Девы ахали и восхищались, откровенно набиваясь замуж за перспективного жениха, работавшего у русов! Значит, будущий муж вполне способен свозить свою избранницу в Петербург, истинный рай на земле. Да и возможность получения русского гражданства у фон Шмелинга выше, нежели у любого записного жениха в Вене. Он столько лет прожил в Новороссии, еще годик-другой, и славный город Петербург станет доступен мадам фон Шмелинг, кем бы она ни была. Однако женитьба пока не входила в планы молодого барона, тем более без особой любви. Тут на него здорово повлияли друзья – русы, оценивающие людей по делам, а не званию и доходу. Невольно Макс сравнивал своих приятелей в Новороссии и светских угодников при дворе эрцгерцога. Увы, не в пользу последних.

Впрочем, фон Шмелинги никогда не блистали при дворе, предпочитая военную службу или опалу. Поэтому, узнав о формировании германского корпуса в Веймаре, в Новороссии, Макс без сомнений отправился туда. Оставил необходимые распоряжения по хозяйству управляющему, поселил в замке для присмотра троюродную тетюшку, забрав ее из Вены, где та прозябала в домике на одно окошко, да и отправился в Веймар, прихватив верного денщика, и не прогадал. С учетом опыта работы в Новороссии Макс удалось проскочить первый офицерский чин прапорщика, получить погоны с двумя звездочками подпоручика и усиленный взвод под командование. Подполковник Строгов несколько раз проверял взвод фон Шмелинга на занятиях и маневрах, после чего доверил ему двигаться на острие главного удара русских войск, в направлении Медины и Мекки.

Только через две недели, без особого сопротивления захватывая арабско-турецкие селения, подпоручик сообразил, что основная тяжесть сражений придется на те подразделения, что идут севернее, вдоль долины Евфрата. А здесь, в глубине пустыни, его усиленный взвод при умелом командовании способен справиться с любым врагом. Ибо в условиях безводья и бездорожья собрать отряд более нескольких сотен всадников или пехотинцев – дело немыслимое. С подобными группами сопротивления фон Шмелинг разберется, безусловно, имеющимися силами, тут подполковник Строгов не ошибся.

«И только пыль под сапогами, с нами бог и с нами зная, и тяжелый карабин наперевес», – внезапно всплыли в памяти Макса слова магаданской военной песни, часто напеваемой русскими ветеранами. Пыль действительно стояла столбом, поднимаясь не от сапог, правда, а от колес грузовиков. И эти столбы сносил ветер, образуя за колонной длинный буро-желтый хвост пыльного воздуха. Машины неторопливо двигались на юг, в сторону Медины, а подпоручик фон Шмелинг размышлял: откуда у магаданцев старая песня о войне в пустыне и с карабином? В пустыне русы до сего времени не воевали, карабины русская армия получила не больше семи-восьми лет назад, до этого их просто не было. Неужели действительно далеко на востоке есть царство Магадан и все новинки русов принесены оттуда? Какими же силами обладает это царство, если горстка его подданных разгромила одну за другой сильнейшие европейские армии без потерь?

Макс вспомнил свою поездку в Петербург, обилие необычных механизмов на улицах русской столицы. Трамваи, велосипеды, самоходные катера, многочисленные уличные часы, фонтаны, воздушные шары. Затем улыбнулся, погладил ложу своего карабина, лежащего на коленях, с таким оружием русы захватят весь мир, если захотят. Правильно поступил он, барон фон Шмелинг, когда пошел служить в русскую армию, он сможет многого добиться на службе у непобедимых магаданцев. И, как подозревал подпоручик, нынешняя операция по захвату Аравийского полуострова – лишь первый шаг в будущем послужном списке его побед. Плавненько покачиваясь на сиденье, командир усиленного пехотного взвода продолжал смотреть вперед, с каждым часом приближаясь к первой тактической цели маршрута – городу Медине.

Почти в это время, на полтысячи верст южнее эскадра адмирала Хесселя подошла к йеменским портам, высаживая казачий десант. Операция по десантированию проходила одно-

временно на всем южном побережье Аравийского полуострова. Сотни казаков и пехотинцев привычно захватывали набережные, разоружая немногочисленную стражу. Пока часть десантников контролировала порты, основные силы русов торопились занять важнейшие городские объекты. Дома султанских наместников, торговые склады, казармы и рынки, господствующие высоты и все самые важные в отдельно взятых городках строения. Где-то это был дом уважаемого кади, фактического городского правителя. Где-то важнейшим объектом становился дом казначея с пристроенным хранилищем городской казны. Несмотря на полтора века владычества, Османской империи не удалось навести единообразный порядок в своем аравийском вилайете. Немногочисленные арабские общины, как и сотни лет назад, ненавидели соседей, грабили проезжие караваны, воевали друг с другом по давно забытому поводу.

Дикари, одним словом, и никакая Медина или Мекка не могли изменить образ жизни бедуинов-кочевников. Как и само мусульманство, практически выросшее из бедуинского образа жизни, религия скотоводов и кочевников. Привычка регулярных перемещений кочевников по пустыне в поисках новых пастбищ в Коране трансформировалась в необходимость хаджа для правоверного мусульманина. А запрет на проживание в священных городах Медине и Мекке для христиан, иудеев и прочих отступников веры продержался почти тысячу лет. Правда, по большей части своей стойкостью запрет поддерживала сама бесплодная земля Аравийского полуострова, с редкими соляными копиями и еще более редкими оазисами. Возможно, оба священных магометанских города не избежали бы нападений, подобных многочисленным захватам Иерусалима, христианского святилища. Но природа помогала, расположив Медину и Мекку вдали от оживленных торговых путей, вдали от побережья, в неудобных для передвижения по суше краях.

Несмотря на многочисленные религиозные войны, продолжавшиеся в конце шестнадцатого века, основными причинами большинства этих войн оставались экономические. Кто-то, как испанцы, просто грабили свои колонии в Америке и Европе, попутно насаждая католичество, прикрываясь при этом святой церковью. Кто-то, как гугеноты во Франции, прикрывался скромностью и благочестием, в надежде ограбить католиков и получить экономические преференции в виде захваченных морских портов с огромными доходами. Персы воевали с турками, попутно истребляя армян, грузин и прочих курдов, отнюдь не по причине разного подхода к мусульманству, хотя шииты и сунниты яростно раздували свои противоречия. Отнюдь, так же непримиримо персы воевали с византийцами тысячу лет до этого или с греками две тысячи лет назад. Дело было не в религиях, которые за века успели измениться до полного исчезновения. Дело было в экономике, в праве владения торговыми путями из богатой Индии в нищую Европу.

Потому и рискнули русы захватить Аравийский полуостров, что, кроме сомнительных религиозных ценностей, огромная территория в шестнадцатом веке не представляла ни для кого экономического интереса. До середины двадцатого века Аравия останется нищей, бесплодной пустыней, пока американцы не найдут там нефть. Только морские порты Йемена и Омана смогут продержаться несколько веков в относительном достатке благодаря пиратству и морской торговле. В эти приморские города и высадили десанты русы осенью тысяча пятьсот девяносто шестого года, за несколько дней полностью захватив все порты побережья Аравии. Эскадра адмирала Хесселя вышла в дальний поход еще весной, в составе двадцати крупных кораблей с двумя катероносцами, по десятку самоходных катеров в каждом. В составе эскадры, двигавшейся экономичным ходом, шли два транспортных судна, груженных бочками с бензином.

Последней нормальной стоянкой русских моряков был южноафриканский порт Южный, где в освободившиеся после выгрузки заказанных товаров трюмы загрузили больше сотни бочек молодого африканского вина, пусть не отвечавшего всем меркам знаменитых греческих или итальянских напитков, но вполне приятного на вкус, особенно в жарком пустынном кли-

мате аравийского побережья. Несмотря на формальную глубокую осень, температура воздуха не опускалась ниже двадцати семи градусов. Северянину Хесселю такая зима не доставляла удовольствия, однако наличие неплохого виноградного вина из порта Южного здорово смягчало соленые морские эпитеты адмирала.

Сидя в удобном кресле на капитанском мостике флагмана «Адмирал Нахимов», русский адмирал со скучающим лицом смотрел на берег. Там под руководством офицеров спокойно и планомерно происходило ограбление бывших городских властей и заезжих купцов. Местных работяг, торговцев и мастеров русы демонстративно не трогали, подчеркивая, что своих подданных не грабят. Зато священнослужителям пришлось туго, всем им, от последнего муэдзина до уважаемого городского кади, новая власть предоставила на выбор два варианта будущего: либо креститься в православие и заняться привычной работой священнослужителя в православной церкви, либо перебираться на континент в течение недели. Тех, кто не примет решение, русы перевезут сами, бесплатно, но исключительно в свои колонии, где мусульман нет и работать придется руками. Поэтому в городке начиналась паника, которую с нескрываемым любопытством наблюдали простые люди. Муллы многочисленных мечетей метались по Адену, судорожно собирали имущество и договаривались с купцами.

– Нет, коллега, это совершенно отдельные виды дронта. – Громкий разговор донесся до слуха Хесселя. Адмирал взглянул на палубу, где сразу трое ученых громко спорили, размахивая зажатými в руках курицами. Ну, не совсем курицами, а нелетающими голубями, весьма жирными и наглыми, наловленными за три дня стоянки на острове Маврикий, пока пополняли запасы воды и свежих фруктов.

Хессель с улыбкой наблюдал за яростным спором профессоров, навязанных ему еще в Петербурге лично наместником. Два десятка ученых-биологов со студентами здорово развлекали моряков и десантников за время путешествия. Не только своей неуклюжестью, но и весьма занимательными лекциями о растениях и животных. Когда дело касалось науки, профессора и студенты преображались, превращаясь из рассеянных, неуклюжих чудаков в активных, умных, наблюдательных и резких хищников. Их лекции открыли много нового бывалым морякам не только о сухопутных животных и растениях. Даже адмирал, выросший на море, с интересом узнал, что обычные речные угри мечут икру в Саргассовом море, откуда их личинки плывут к Европе, чтобы прожить в реках несколько лет.

Мало кто из моряков и казаков задумывался, куда улетаю́т птицы осенью; оказывается, в Африку! А коростель, известный обитатель болот, каждые полгода проходит пешком в Индию, затем обратно, преодолевая тысячи верст по болотам и степям. Много интересного рассказывали за время плавания ученые-биологи, приобретая в морях и десанниках благодарных слушателей. Потому за две короткие стоянки в бухтах Мадагаскара и Маврикия сотни моряков и казаков завалили своих ученых лекторов добычей. Биологов интересовало буквально все: растения и насекомые, животные и птицы, плоды и саженцы, речная живность и прибрежные крабы с ракушками. Пойманную добычу биологи сортировали, не теряя времени на сон, поражая своим азартом даже бывалых казаков.

Набранная на берегу добыча быстро заполнила ледники в трюмах, заранее приготовленные клетки и банки с водой. Насекомые и бабочки тут же высушивались студентами, чтобы занять свое место в специальных коробках распятыми на иголках. Семена сортировали и раскладывали в загруженные в Петербурге холщовые мешочки и коробочки, саженцы сразу высаживали в местную почву. После этих стоянок дальнейший поход превратился в какую-то смесь детского дома и зоопарка, ибо биологи ухаживали за своими растениями и животными, рыбами и птицами, словно за родными детьми. В буквальном смысле круглые сутки, оставляя каждую ночь дежурного студента, чтобы проверять состояние живых трофеев.

Едва прибыв в Аден, ученые засыпали адмирала просьбами о скорейшей доставке к Суэцкому перешейку собранной коллекции. Тот сообщил по радио их просьбы командованию

и ждал ответа, а неутомимые биологи дружно отправились в городские окраины в поисках новой добычи. Только самые важные персоны – профессора – предпочли изучать имеющуюся добычу, нежели глотать придорожную пыль. Они-то и отвлекли Хесселя от утреннего моциона на мостике под парусиновым тентом.

Стоянка в порту не прошла спокойно: буквально на третий день русской оккупации пронырливые местные моряки активно включились в эвакуацию мусульманского духовенства и беглого турецкого чиновничества. Цены на проезд в кораблях взлетели до небес, наиболее шустрые капитаны шебек успели отплыть с первыми беженцами в сторону Африки. Небольшой городок Аден едва насчитывал полтора десятка тысяч жителей, но поднятая муллами паника выглядела так, словно уезжать собираются вдвое больше жителей. Не добавляла спокойствия и организованная погрузка конфискованных у турецких купцов и властей ценностей на русские корабли. Ибо объем захваченных восточных товаров превзошел все ожидания. Склады ломились от обилия шелковых тканей и восточных пряностей, от изделий индийских и китайских мастеров, накопленных за последние годы.

К тому времени когда последний желающий уехать с оккупированных русами земель покинул Аден, трофеи были погружены на транспортные корабли и восемь зафрахтованных местных шебек. Связавшись по радио с начальством, адмирал Хессель отправил часть эскадры на север Красного моря. Сухопутные войска успешно выполнили свою задачу и ждали дозаправки в порту Джидды. Мекка и Медина перешли в руки русов, со свойственной им энергией занявшихся строительством железных дорог на захваченных землях. Адмирал знал, что планируется выстроить всего два железнодорожных пути. Первый и самый главный – отрезок чугулки от побережья Средиземного моря до портов Суэца и Акабы на берегу Красного моря. Дорогу длиной двести верст планировали выстроить за полгода: при отсутствии водных переправ строительство не предвещало проблем.

Второй участок чугулки был еще короче, от порта Джидды до священной Мекки, исключительно для удобства паломников. Поскольку в Мекке и Медине, в отличие от остальных городков и селений захваченного полуострова, мусульманское духовенство осталось нетронутым, там довольно бескровно сменили турецкую администрацию на русских чиновников, вывели стражу, заменив ее тыловыми частями русской армии, и все. Более того, нанятые глашатаи ежедневно разъясняли народу, что паломничество в святые места будет только развиваться, а медресе в Медине продолжают обучать молодежь заветам пророка. В остальных селениях муллы и прочие служители ислама изгонялись беспрекословно, а освободившиеся мечети занимали молодые русские миссионеры, которые сразу начинали активную перестройку зданий в традициях православной церкви. Оставшиеся без духовных пастырей местные жители молчали, неодобрительно покачивая головами. Но к началу сбора налогов многие из них предпочтут креститься и богатеть, нежели молиться дома и отдавать последние гроши.

Хессель с удовольствием снялся с якорей и повел грузовую половину эскадры на север, к порту Джидды. Боевые корабли и катероносцы начали смещаться к северо-востоку: именно к восточной оконечности Аравийского полуострова было нацелено острие атаки всей аравийской операции русов. Туда, в сторону порта Маскат и к Оманскому заливу, отправлялись две трети десантников и все сухопутные войска после дозаправки и пополнения боеприпасов. Петро решил подобным передвижением пехотных подразделений через пустыню решить сразу несколько вопросов. Первый: откорректировать имеющиеся карты и провести беглую геологическую разведку захваченного полуострова. Для чего все подразделения получили приказ о сборе образцов грунта и камней с привязкой к местности.

Второй, весьма важной, задачей было полное установление русской власти на полуострове, чтобы все племена и селения знали об этом и воочию убедились в появлении новой сильной и жесткой власти при виде механизированной пехоты русов. Если кто начнет бунтовать, более удобного способа и времени разделаться с бунтарями не найдется.

Лучше подобные намерения задавить в зародыше, нежели потом бороться с партизанами. Поэтому передовые части получили инструкции немного перегибать палку, провоцируя самых невыдержанных аборигенов на конфликт. Однако в немногочисленных оазисах аборигены оказались исключительно мирными, особенно после безжалостного расстрела первых нескольких атакующих отрядов. При вести об окончании турецкого владычества бедуины меланхолично кивали головами, не проявляя никакой заинтересованности в своем будущем. Также меланхолично сопровождался указание о закрытии мечетей и выезде священнослужителей, не волновавшие никого, кроме самих потерпевших.

Наконец, третьей задачей сухопутного пересечения огромного полуострова стало тестирование новой техники, ее испытание в боевых условиях. Ибо в ближайшие годы именно на подобной технике будет основана русская власть на полуострове. Для этого использовались приданные каждому подразделению механики, в обязательном порядке записывавшие каждую неполадку в работе машин. Не говоря уже о поломках и скорости ремонта в походных условиях. Героический переход через пустыню и горы длиной в полторы тысячи верст обошелся русской группировке в пять раз дороже, нежели боевая операция. За три недели перехода к Маскату были сломаны окончательно пятьдесят три грузовика и четыре боевых машины. Шесть грузовиков пришлось бросить в горах, предварительно сняв с них все оборудование и двигатели. Пять водителей погибли в авариях, еще шестьдесят бойцов получили ранения разной тяжести и ожоги.

Одновременно с передвижением германского корпуса с юго-западного побережья полуострова через пустыню и горы на северо-восток польско-венгерский корпус при поддержке двух русских полков двигался им навстречу с северо-запада на юго-восток вдоль Междуречья. После мирной высадки русских войск в ливанских портах польско-венгерская группировка прошла с союзными ливанскими отрядами до великолепного Дамаска. Эту жемчужину Ближнего Востока эмир Фахр-эд-Дин непременно желал забрать себе, с чем русы не собирались спорить. Убедившись, что ливанцы захватили Дамаск, русские полководцы продолжили движение своих войск. Обозначив границу с Ливаном в полусотне верст к востоку от Дамаска, объединенная группировка под командованием русов двинулась на северо-восток, к Евфрату.

Здесь, на правом берегу одной из двух великих рек Междуречья – Евфрата, русы обозначили границу с дружественным Ливаном и враждебной Турцией. В удобном месте осталась полурота с приданной техникой для строительства острога. Благо камня и рабочей силы было в избытке, а за плату, назначенную русами, местные жители приходили наниматься издавна. Основная же боевая сила группировки двинулась по правому берегу великого Евфрата вниз по течению. Учитывая, что главную ударную силу в группировке представляла конница, двигаться пришлось гораздо медленней, нежели германскому механизированному корпусу. Местные жители никакого сопротивления не оказывали, поскольку турки их захватили всего полвека назад. До этого Междуречье веками и тысячелетиями служило полем постоянных сражений и войн. С древних времен кто только не воевал на берегах Тигра и Евфрата. Шумеры и египтяне, персы и македонцы, арабы и римляне, византийцы и турки.

За века беспрерывных завоеваний местные жители привыкли работать и жить, не вникая в подробности – кто и зачем пришел. Лишь бы новые завоеватели не повышали налогов и не меняли привычный образ жизни. Так что польско-венгерским кавалеристам никто не мешал, фураж был запасен заранее в обозах. Разве что привычная для Средневековья грабительская жилка первое время отвлекала командиров. Но лихие рубаки быстро убедились, что местное население едва ли не беднее европейских крестьян, а женщины даже близко не стояли с прекрасными полячками и венгерками. Попросту местные женщины старше пятнадцати лет оказались внешне страшными, а за связь с малолетками любой боец рисковал разжалованием и отправкой в тыловые части. Политика русов в части грабежей и насилия аборигенов не меня-

лась: разрешалось грабить только тех, кто сопротивлялся с оружием в руках, насилие над мирными жителями строго пресекалось, вплоть до расстрелов.

Конечно, случались и боевые стычки с турками, но тыловые турецкие части, расположенные вдоль Евфрата, ветеранам-кавалеристам были на один зуб. Даже знаменитая жемчужина Востока – город Басра – досталась русам без боя. Красивые белые дома, окруженные садами и каналами, многочисленные мостики и вымощенные камнем чистые улочки очаровали измученных походной пылью бойцов и командиров. Там, в Басре, корпус отдохнул целых три дня, наслаждаясь прохладой тенистых садиков и теплой водой каналов, чтобы снова двигаться дальше под веселые команды офицеров, спешивших опередить западную германскую группировку. Потому единственный крупный выставленный турецкими властями трехтысячный отряд был атакован передовыми отрядами венгерских и польских кавалеристов без разведки и артподготовки.

Естественно, с плачевным для них, кавалеристов, результатом. Отряды венгров и поляков отступили, потеряв до двух сотен бойцов убитыми в скоротечном рукопашном столкновении. Польские и венгерские офицеры, словно не было года тренировок, начали ругаться. Они обвиняли друг друга в трусости и отступлении, скандалили, вызывали на дуэли, дело едва не дошло до вооруженного столкновения между венграми и поляками. Хорошо, успели подойти части русов с приданной артиллерией, спокойными и уверенными бойцами. Русы в течение получаса успокоили «горячих парней», после чего напомнили пристыженным офицерам, чему их учили в Новороссии. После двухчасовой перегруппировки, четко поставленных задач корпус вновь пошел в наступление.

Причем наступали на сей раз по всем правилам русской военной науки, после короткой артподготовки. Короткой – в силу быстро достигнутых результатов. Потому что после пяти-шести залпов из орудий и минометов турки побежали, откровенно и быстро. Пришлось венграм и полякам вновь забираться в седла и догонять своих обидчиков. Заодно и поквитались за утреннее поражение: с наслаждением вырубали отступающих турок, едва остановились, чтобы захватить их командование. Этот неприятный случай оказался единственным мрачным пятном на всей военной кампании северо-восточной группировки. Хотя нечто подобное Петро предполагал сразу, потому и отправил с польско-венгерским корпусом своих бойцов. Хоть и не ветеранов, но хорошо обученных новичков под командованием опытных офицеров. Пусть русы видят и оценят своих союзников в настоящем бою.

Оставив еще один гарнизон в устье Шатт-эль-Араба, где опытные инженеры сразу занялись поиском удобного места для возведения настоящей крепости и торгового порта, польско-венгерская группировка двинулась дальше, к Аравийскому полуострову. Там скорость движения несколько увеличилась: свою роль сыграли пустынная береговая линия и практическое отсутствие населения. Лишь несколько оазисов и прибрежных рыбацких деревушек, занятые без сопротивления, не задержали передовые части кавалерии. Измученные скучным походом по пыльной и жаркой пустыне, так не похожим на веселую войну в Венгрии и Великопольше, венгры и поляки дружно ругали жару, пыль и свою глупость. Чем иначе объяснить тот факт, что три тысячи обученных бойцов глотают пыль в богом забытой пустыне?

Но все имеет свое окончание, и спустя полтора месяца северная группировка добралась до конечного пункта похода – Маската. Город уже был захвачен казаками, в порту скучали на якорях три боевых корабля. А полдюжину самоходных катеров усиленно патрулировали узкий выход из Персидского залива, не забывая перехватывать богатых турецких купцов. Или не богатых, но на большегрузных кораблях, как приказал адмирал Хессель, поставивший задачу катерникам. Уставшие кавалеристы не упустили случая окунуться в радостную атмосферу отдыха, активно занявшись дегустацией южноафриканского вина, подаренного Хесселем. Да и местные напитки бойцы не пропускали мимо, дегустируя все, до чего могли дотянуться. Благо конфискат был предоставлен русским отрядам бесплатно, а для других товаров вполне хватало

выплаченного оклада. Цены здесь, в богом забытой пустыне, были такими же богом забытыми – в несколько раз ниже европейских.

При всех перипетиях постоянно действующая радиосвязь позволила всем отрядам добраться до места сбора, избежав самых тяжелых последствий. В результате к началу нового, тысяча пятьсот девяносто седьмого, года операция под кодовым названием «Нефть» была завершена. Новороссия захватила весь Аравийский полуостров, от границы с дружественным Египтом, прошедшей в районе будущего Суэцкого канала, до границы с дружественным Ливаном и далее по правому берегу Евфрата, включая богатую Басру, до впадения реки в Персидский залив. Значительная часть будущих нефтяных месторождений оказалась в руках Петербурга, что, впрочем, никакой реальной ценности в шестнадцатом веке не имело. Нефти для имеющегося транспорта вполне хватало с месторождений Плоешты. Но из Южно-Польской империи уже шли транспорты с обученными нефтяниками-румынами для поиска нефти в новых владениях русов.

Особых надежд на быструю добычу нефти правительство Новороссии не питало, Сергей Корнеев смутно помнил, что американцы несколько лет искали нефть в Саудовской Аравии из-за глубокого залегания нефтяных пластов. Опыта глубокого бурения у румынских нефтяников не было, максимальная глубина скважин в Плоеште не превышала трехсот метров. Но уже сейчас, без всякой нефти, захват Аравии и выход к берегам Евфрата давал русам возможность контроля левантийской торговли. И не просто контроля в виде таможенных пошлин, а прямого выхода в Персидский залив и Красное море. Торговый и военный флот Новороссии получил удобные базы в Индийском океане и возможность быстрой доставки грузов через Суэцкий перешеек.

Даже скептический герцог Мальборо не сомневался, что прибыли от прямой торговли с Индией и Персией за первый же год полностью окупят расходы на военную операцию в Аравии. Не говоря уже о перспективе прямого проникновения на торговые рынки индусских княжеств и выхода к Китаю. В стремлении скорейшего получения фантастической прибыли министр финансов лично вызвался подготовить первую торговую флотилию в индусские княжества и активно набирал экипажи и перевозил русские товары к Суэцкому перешейку. Он же договорился с судостроителями о строительстве первой крупной верфи в Маскате, где собирались организовать переделку обычных трофейных парусников под парусно-винтовые суда. Глядя на активность, проявленную министром финансов в освоении новых рынков сбыта русской продукции, Петро едва не прослезился.

Правда, скептический Кожин сразу предположил, что после первых успехов герцог Мальборо попытается основать некое подобие Ост-Индской компании, чтобы получать фантастические дивиденды. Идея необычайно выгодная, так как развязывала государству руки в освоении дальних стран. Все, что творила Ост-Индская компания в нашей реальности, формально не было деяниями Британии. Государство не отвечало за дела частных лиц, хотя самым недвусмысленным образом поддерживало своих торговцев. Возможно, еще тогда закладывались двойные стандарты в англосаксонском обществе; нужно ли это Новороссии? Если изначально магаданцы свои действия направляли на создание честных общественных отношений, где человеческая мораль и честь будут превыше золота и прибыли, нужно ли отделять государственную мораль от торговой морали? Петро много думал о путях развития будущей идеологии Новороссии, склоняясь к повороту в сторону консерватизма.

Ну, как бы там ни было, молниеносный захват огромного полуострова принес и впечатляющие политические выгоды. Одна новость о том, что Иерусалим, святой город, вернулся из рук агарян в православное владение, вызвала небывалый подъем в душах верующих по всей Европе. Первые паломники в освобожденный Иерусалим появились уже через месяц после ввода русских войск в город. Несмотря на то что все христианские конфессии существовали в Иерусалиме и при турках, количество паломников в ставший христианским Иерусалим уве-

личилось на порядок. С каждым днем новые корабли привозили все новых и новых католиков, пожелавших посетить святы места. Чуть позже стали прибывать православные паломники, не только русские, но и греческие монахи, и простые миряне.

Стремясь совместить приятное с полезным – попытаться наладить туристическое дело в Святом городе, одновременно не желая вешать такую обузу на себя – Петро предложил своим друзьям передать весь Иерусалим под управление Западного Магадана. Все понимали, что женщины быстрее и грамотнее наладят туристическо-паломническую деятельность, потому согласились без споров. Елена Александровна, наместник Западного Магадана, со своими коллегами сможет лучше развернуться в древнем городе, наладить удобную инфраструктуру. Да и сам Западный Магадан получит собственную землю в субтропиках, где стареющие подруги магаданцев смогут отдыхать от вечной слякоти Прибалтики, хотя бы в зимнее время. Чтобы не оставалось никаких сомнений в намерениях и подозрений в подвохе у Елены Александровны, священный город Иерусалим был передан в безвозмездное пользование Западнему Магадану сроком на девяносто девять лет, без права досрочного возвращения. Договор об этом подписали оба наместника и скрепил патриарх Западного Магадана и Новороссии Николай.

Надо ли упоминать, что все мусульмане были выселены из Иерусалима, а земли в районе Хайфы русы передали в управление лидерам десяти еврейских полков, участвовавших в захвате турецкой территории? Так что карта нынешнего возможного Израиля значительно отличалась от Израиля двадцатого века. Он был несколько меньше по размеру, так и самих евреев на освобожденных землях было мало, не набиралось и ста тысяч. С севера к компактной еврейской территории примыкал Ливан. Благодаря военной помощи русов амбициозный эмир Фахр-эд-Дин II быстро вытеснил турецкие войска и их сателлитов не только из Ливана. За два месяца, с помощью русских советников, армия эмира захватила почти всю территорию бывшей (будущей?) Сирии, включая Дамаск и Алеппо. После чего эмир начал судорожно укреплять крепости на границе с Турцией и бороться со своими противниками. Этих хлопот ему вполне хватит на несколько лет, если не десятилетий.

К началу 1597 года с юга и востока земли разросшегося Ливана граничили с русскими, а с Новороссией у Ливана был подписан обширный договор о торговле и взаимопомощи. Евреи тоже подтвердили мирное соседство с Ливаном, кроме Оттоманской империи никто новым владениям эмира Фахр-эд-Дина не грозил. С юга и востока новый Ливан граничил с дружественными странами, что позволяло эмиру все усилия направить на защиту северной, турецкой, границы. Венгерским и польским дворянам, чьи отряды двигались вдоль правого берега Евфрата, после окончания боевых действий пришлось нелегко. Еще бы! Русы разделили тысячеверстное правобережье Евфрата на несколько сотен поместий. Эти участки были предложены всем желающим получить обещанную землю именно в этом благодатном краю, как было обещано в контрактах. После чего просто разыграли участки в лотерею, где каждый желающий наемник из венгерского и польского отряда мог попытаться счастья, вытягивая бумажки с номером участка.

Несмотря на то что все новоиспеченные помещики освобождались от службы, желающих получить поместье и уволиться со службы набралось всего лишь шесть сотен. Остальные две тысячи польско-венгерских «лыцарей» предпочли продолжить службу, реально оценивая свои управленческие способности. Владеть саблей и стрелять из ружья не так сложно, как управлять поместьем, даже в этих благодатных краях, где селяне снимают по три урожая в год. Так что после распределения поместий оба отряда – венгерский и польский – переформировали, чтобы создать отдельную венгерско-польскую кавалерийскую бригаду численностью в две тысячи сабель. Конечно, собственно кавалеристов там не набиралось и половины личного состава, остальные были пушкарями, минометчиками, ремонтниками, саперами. Поскольку в состав бригады вошли, с учетом полученного опыта боевых действий, четыре сотни грузовиков и десять машин разведки.

Едва закончились страсти по новым поместьям, как из Новороссии прибыло пополнение, исключительно из поляков и венгров, прослышавших о богатых владениях. Бригада выросла в численности до трех тысяч бойцов, после чего начались тренировки и обучение, в которых ветераны участвовали наравне с новичками, отрабатывая новые приемы боя и тактику действия в болотах и лесах. Новичкам хватало силы лишь выдержать день и упасть, забывшись сном, а ветераны стали задумываться: куда их отправит наместник Петр? В аравийской кампании воевать пришлось в основном в пустыне и горах, где же предстоит воевать опять? В каких лесах и болотах?

Глава вторая

– О, Величайший, русы неделю назад высадились в Ливане, захватили все побережье Палестины и движутся в глубину страны! – Великий визирь на всякий случай опустился на колени и прислонился лбом к ковру, памятуя, как закончили карьеру его предшественники. Они тоже потеряли головы из-за проклятых русов. Теперь, вдыхая пыль с персидских ковров в покоех турецкого султана Мурада, визирь поклялся самому себе, если удастся остаться живым, немедленно отправить доверенных лиц к русам, в Петербург. Предлагали же умные люди платить проклятым гяурам отступные, чтобы они не трогали Оттоманскую империю. Вай-вай-вай, почему он тогда оказался таким жадным? Сейчас визирь был готов подарить половину своей казны, чтобы русы не высаживались в Палестине.

– Почему они выбрали эту бесплодную и нищую пустыню? – Султан Мурад так удивился, что забыл разгневаться на визиря, благодаря чьим советам последние полгода укреплялись крепости и войска на западе империи. Именно великий визирь убедил диван и самого султана в том, что Петербург намерен воевать в Европе. Либо с Францией, которой так и не отомстил за попытку отравления наместника, либо с Турцией, чтобы освободить оставшиеся под властью султана земли Венгрии и Румынии, населенные единоверцами русов. Такое предположение объясняло создание венгерских отрядов, бойцам которых были обещаны поместья в новых землях. Где же еще брать поместья для своих воинов, как не в Европе? Не в Анатолии же будут устраивать венгерских и польских дворян власти Новороссии!

– Эти коварные гяуры, скорее всего, повернут в Египет! Они решили полностью отобрать у нас хлебную провинцию! Да встань нормально, когда я с тобой разговариваю!!

– Увы, величайший из султанов... – Визирь поднялся на ноги, но продолжал стоять полусогнувшись. – Эмир Египта поднял мятеж и провозгласил независимость египетского вилайета. Безумец объявил себя внуком Туман-бая Второго аль-Ашрафа из династии Бурджидов. Он выслал из Александрии всех наших чиновников и назвал себя султаном!

– Отправь все войска из Ливии на проклятого предателя, пусть разнесут Александрию и Каир на мелкие осколки, вырежут всех изменников до пятого колена! – Султан Мурад оставался задумчивым и рассеянным, несмотря на свои гневные указания. Он подошел к столу, на котором была расстелена карта владений Оттоманской империи, и внимательно посмотрел на соседние страны Европы. – Почему французский король Генрих Четвертый не напал на русов, разве у нас нет договора о военной помощи?

– Король Генрих не может захватить собственную столицу, жители Парижа не пускают его в город. Французский король нищ и не сможет нам ничем помочь, о, Великий. Однако я немедленно отправлю гонца, чтобы наш посланник потребовал от короля военной помощи, как ты приказал.

– Где эмир Ливана? Почему он не напал на русов и не помешал их высадке?

– Эмир Ливана Фахр-эд-Дин тоже предал нас. Он вступил в стовор с русами и направил свои войска на север, он давно хотел захватить Сирию. наших войск оказалось мало, отряды предателя вооружены русским оружием и хорошо обучены. Я уже отдал приказ, чтобы войска из южных вилайетов двигались к границе с Сирией. Думаю, дальше сирийских границ предатель не пойдет, о, Великий.

– Что он себе позволяет, этот шакал? Мои кавказские ветераны раздавят подлого предателя, какое бы оружие он ни купил у русов! – Мурад всмотрелся в надпись на карте. – А Венеция или Генуя, они смогут напасть на русские корабли, если мы им хорошо заплатим? Пусть воевать все боятся, но на море они смогут помешать русам?

– Увы, Венеция еще не оправилась от разгрома критскими казаками, ее флот не восстановлен и до половины прежнего размера. В Геную я сегодня же отправлю нужных людей, чтобы

начали переговоры. Предлагаю поговорить с алжирскими и мавританскими пиратами, разрешишь ли, Великий?

– Хорошо, ищи любых союзников, нанимай кого угодно, но русы не должны продвигаться на север. Отправь своих людей в Персию, попробуй натравить их на русов. Персы еще не сталкивались с ними, пусть получают щелчок по носу, будут спокойнее. Надо блокировать любые русские перевозки по Средиземному морю, а часть кавказской армии пусть начинает движение к сирийским границам. Русы не помешают нам разделаться с шакалами-предателями. К осени отряды ветеранов выбьют Фахр-эд-Дина с нашей земли, пусть предатель бежит в горы Антиливана, там его зарежут родственники. Свободен!

– Все сделаю, о, Великий. – Визирь мелкими шагами пятился к двери, сдерживая желание рассказать султану о том, что оба предателя-эмира заключили союзные договоры с Новороссией о военной помощи. Ибо чувствовал, что эта новость сломает ему спину, как та соломинка, что сломала спину верблюда. Поскольку союзный договор с Новороссией служил лучшей защитой Ливану и Египту от любых нападений. Увы, Турция слишком хорошо знала силу русов, лишившись по их милости половины своего флота. Если вассалы русов, критские казаки, так легко и безнаказанно грабят побережье Османской империи, сами русы просто разнесут всю Турцию и уничтожат ее. Так они уже сделали с Англией, за пару месяцев полностью уничтожили островное королевство.

Закрыв за собой двери, визирь развернулся и выпрямился. Сегодня же он направит своих людей в Петербург, чтобы начать переговоры с русами о мире. Хорошо бы у них корабли купить и пушки, но это вряд ли получится. Великий визирь понял, что только мир с русами сохранит ему остаток жизни, и продолжительность этого остатка полностью будет зависеть от отношений с Петербургом. Он быстро добрался до своего рабочего кабинета, где уселся на подушки и закурил кальян. За этим процессом визирь неторопливо обдумал, кого надо привлечь к процессу скорейшего заключения мира с русами. Да не просто мира, а союзного договора, направленного на техническое перевооружение турецкой армии. Русы хотя и гяуры, зато своих союзников в обиду не дают, это визирь знал твердо. Остается суший пустяк – стать таким союзником, и как можно скорее, пока голова на плечах держится.

– Ваше святейшество, русы захватили Палестину, Иерусалим, затем Мекку и Медину. – Молодой кардинал, сидевший у постели папы римского Климента Восьмого, внимательно вгляделся в лицо больного. Вынужденный из-за острых приступов подагры проводить большую часть времени в постели, папа римский, которому едва исполнилось шестьдесят лет, ничего не ответил, продолжая смотреть прямо на потолок. Его доверенный родственник, которого папа Климент сделал кардиналом в двадцать два года, продолжал свой доклад: – Затем русские войска прошли дальше, остановились лишь после полного захвата Аравийского полуострова, сосредоточили войска в Маскате. Это порт бывшего Омана, в горле Персидского залива. Теперь побережье Средиземного моря от Египта до Ливана в руках русов. А эмиры Египта и Ливана стали их союзниками.

– Потери? – негромко уточнил больной.

– У русов потери, как всегда, минимальные. Более того, они использовали в этой кампании свои новые механические экипажи, вроде тепловозов, только без железных рельсов. Эти экипажи позволили русам перевозить войска по пустыне на большие расстояния без верблюдов и лошадей. Потому отсутствие воды их не остановило, от Средиземного моря до Индийского океана их отряды прошли за два месяца.

Кардинал Пьетро Альдебрандини остановился и задумался, вспоминая все подробности русского похода.

– Да, на части Палестины они поселили евреев, которым обещали помочь в построении еврейского государства.

– Очень интересно, на каких условиях? – Глаза больного заблестели. Известный своими антисемитскими настроениями, папа Климент попытался усесться в постели, так заинтересовала его новость. – Немедленно выясни условия создания нового Израиля, или Иудеи, как они его назовут. Отправь туда наших прикормленных евреев, пусть наведут связи с правительством и царем иудейским, кто там у них во власти. Да продумай, каким образом всех иудеев из Папской области туда загнать. Нужно непременно своих агентов внедрить в тамошнее руководство; думай Пьетро, думай, мой мальчик.

Вот еще, поспеши с отправкой людей в Иерусалим. Пока православные схизматики не раскачались, надо захватить все здания и храмы в городе, представляющие какую-либо ценность. Потом организуем массовую отправку паломников по святым местам, ты представляешь, какие возможности мы получим? Не только финансовые, но и духовные. Очень важно подать возвращение гроба Господня как достижение католической церкви, достойное истинных католиков! – Климент откинулся на подушки, чтобы переждать очередной приступ боли в суставах. Отдышался и добавил: – Поспеши, Пьетро, поспеши, мой мальчик. Надеюсь, ты монахов наших без охраны не отправишь?

– Да, дядюшка, конечно, ваше святейшество, – склонил голову кардинал.

– Торопись, сейчас нет важнее дела. Такой шанс мы не должны упустить – без всякого крестового похода получить гроб Господень!

Отправив кардинала, папа римский приспустил подушки, чтобы снова лечь на спину. Новости о Святой земле не давали покоя, все мысли возвращались только к ним. Возможность отправить евреев из Папской области восвояси да помочь с этим остальным европейским государям воодушевляла. Бывший юристом до сорока пяти лет, Климент очень быстро понимал возможную выгоду подобного выселения иудеев из Европы. Не только финансовую прибыль, хотя перспектива заработка на доставке еврейских семей на землю обетованную воодушевляла папу римского, но и политические выигрыши. В том, что удастся организовать массовое паломничество в Иерусалим, папа римский не сомневался. Желающих посетить святыне места, освобожденные от магометан, будет более чем достаточно. И римская католическая церковь обязательно получит с этого максимальную прибыль, как финансовую, так и духовную, если удастся закрепиться в Иерусалиме. Главное, успеть все проверить, пока не раскачались основные духовные конкуренты – православные иерархи.

Однако уснуть больной не успел, вскоре слуга доложил, что генерал святой инквизиции ждет аудиенции.

«Чего надо этому пройдохе?» – недовольно подумал папа, недолюбливавший последователей испанца Лойолы, забравших себе слишком много власти. Он столько лет боролся против засилья испанцев при святом престоле, что перенес свои мысли даже на их последователей. Хотя этот генерал и не был испанцем, скорее напротив, он был неаполитанцем, где-то даже земляком Климента. Но душевного контакта у двух иерархов не сложилось, хотя в работе они понимали друг друга вполне.

– Я буду краток, ваше святейшество. – После приветствия генерал ордена сразу перешел к делу. – О захвате Святой земли вы уже знаете. Нет-нет, мы в дела престола вмешиваться не будем. По нашим сведениям, следующими владениями русов станут Ливия, Тунис и Алжир. И малочисленное население этих пустынь и оазисов вскоре станет православными христианами. Как работают русские миссионеры, мы убедились на опыте бывшей Англии и германских княжеств. Нужно ли Святому престолу православное население на южном берегу Средиземного моря? В сотне лье от Рима? Сколько лет назад русы эти из лесов вышли? Двадцать пять, если не меньше. А протестантов в Европе, с которыми Святой престол два века воевал, русы за двадцать лет извели почти начисто. Говорят, уже половина датских купцов в православие перешли, чтобы не разориться окончательно.

– Воевать с Турцией? – удивился папа, попытался привстать, да сразу охнул от боли и осел на подушки. – Ради нищих кочевников развязать войну с сильнейшим государством Европы? У нас денег не хватит, чтобы такую армию нанять.

– Зачем воевать? Нужно воспользоваться трудностями Османской империи и выступить в роли посредника между султаном и наместником Новороссии. У турок за это попросить право миссионерской деятельности на севере Африки.

– А у Новороссии что попросить? – ухмыльнулся непослушными губами больной. – Захотят ли они принять наше посредничество?

– Так заинтересуйте, чем – не знаю. Говорят, наместник Петр очень любит старинные рукописи. Предложите ему допуск в библиотеку Ватикана, может, согласится. Или придумайте что-нибудь другое. – Инквизитор встал, прощаясь. – Как выразился помощник наместника Новороссии Николай Кожин, от Северной Африки до Рима гораздо ближе, нежели от Петербурга. Так что решайтесь, ваше святейшество.

Посещение инквизитора совершенно выбило Климента Восьмого из колеи: подобные сведения разрушали привычную канву событий. Римский престол привык, что православные христианские иерархи веками лишь отступали на восток и север, оставляя своих бывших прихожан католикам и мусульманам. Так, после развала Византийской империи, павшей под ударами крестоносцев, собранных Святым престолом на очередной крестовый поход, православные христиане Ближнего Востока и Северной Африки за считанные десятилетия стали мусульманами. Европейских христиан – поляков, чехов и прочих венгров – быстро прибрала к своим рукам католическая церковь. Жаль, греков с болгарями не успели, те быстро под турецкой властью оказались. Но Рим не терял уверенности, что вскоре вытеснит православие из Европы до самой Московии. Там, глядишь, и до Руси черед дойдет, примут варвары истинную веру, никуда не денутся.

Сейчас же менялись привычные стандарты поведения, русы активно занимались миссионерством, и не только в далекой Америке, где все отметились в просвещении дикарей. Нет, русское православие агрессивно вытесняло другие конфессии из центральной Европы. Протестантов они практически вывели, обратив бывших лютеран и кальвинистов в честных православных христиан. И не только протестантов, многие честные католики под влиянием русов переходили в православие, с каждым годом таких становилось все больше и больше. Теперь русам и этого мало, они занялись миссионерством в мусульманских владениях, причем весьма успешно. За два месяца Новороссия захватила огромные территории от Египта до Ливана без особых потерь и затрат. Бывшие владения крестоносцев, за которые лучшие рыцари Европы воевали веками, положили десятки тысяч воинов и бездарно потеряли.

В то, что русы также бездарно потеряют захваченные земли, бывший профессиональный юрист, а ныне папа римский, не верил ни минуты. Даже если это произойдет, то не при его жизни. Да и не верилось Клименту Восьмому, что такие наглые и умные русы, захватившие малыми силами добрую треть Европы, не позаботились о сохранности своих владений в будущем. Это не простодушные короли, озабоченные только удачной охотой и веселым пиром, которые отравление соперника считают верхом политической интриги. На мгновение Клименту Восьмому стало страшно, когда он представил, что может перейти дорогу этим безжалостным и умным русам. Но опытный юрист и религиозный деятель быстро успокоился, вспомнив свои возможности. Пока в Европе живут католики, папе римскому ничего не грозит, даже самоуверенные русы не рискнут выступить против Священного престола открыто.

– Может, просто оккупировать Рим да ограбить ватиканскую библиотеку? – задумчиво посмотрел на Николая Кожина наместник Новороссии, когда услышал о предложениях инквизитора, высказанных им папе римскому.

– Возможно, когда-нибудь придется на это пойти, только не сейчас. Павел Аркадьевич говорит, что через три года папа Климент на юбилейный тысяча шестисотый год соберет в

Риме три миллиона паломников. Так, по крайней мере, летописи писали. – Кожин задумался на минуту, оценивая факты. – Даже с учетом обычного преувеличения, пусть будет около миллиона паломников реально. Для двадцати-тридцати миллионов населения католической южной Европы очень большое количество паломников. Преуменьшать влияние католической церкви рано, Рим лучше не трогать в ближайшие годы. К тому же, по информации инквизиторов, ценных книг на славянских языках в библиотеке мало, не больше пары сотен экземпляров.

– Ладно, Рим трогать не будем, пока, – подчеркнул Петро слово «пока». – Лучше скажи, повелись католики на миссионерскую деятельность в Северной Африке?

– Скорее да, чем нет. После визита генерала к папе Святой престол развернул бурную деятельность по трем направлениям. Они срочно готовят посольства в Константинополь и Петербург, одновременно разослали по всем миссионерским училищам запросы на подготовку выпускников, их срочное обучение основам арабского языка. Переводчиков запросили в Испании, без указания цели, но слухи об активизации работы с арабами уже прошли по верхам католических чиновников.

– Ты слышал, как обломились католики в Иерусалиме? – Петро улыбнулся только что поступившей информации от наблюдателей в Палестине. – Они пригнали в Палестину пять галер, набитых священниками, служками и торговцами, видимо, очень спешили. Добрались до Иерусалима, где были остановлены пограничной стражей Западного Магадана. Хорошо, хоть в Королевец за визами никого не отправили, сославшись на статус паломников, которым не нужна виза. Но ни одного здания в Иерусалиме, кроме двух задрипанных католических церквушек и одного монастыря, оставленных во власти католиков еще турецкой администрацией, представители Святого престола купить или арендовать не смогли. Елена Александровна – женщина суровая, учет и контроль поставила строго, озаботилась установлением магаданских законов на территории Иерусалима.

– Значит, ни католики, ни евреи, ни мусульмане не смогут купить себе участок или строение. Да и налоги с них пойдут в разы выше, чем с православных, – сообразил Николай, не сомневавшийся в практичности давней подружки Чистовой, ныне занимавшей пост наместника Западного Магадана.

– Точно, сейчас в Иерусалиме идет спешное строительство новых гостиниц, аборигены поголовно приняли православие, кроме тех, кто уехал, разумеется. Сергей Николаевич уже начал строительство от ближайшего порта железной дороги к Иерусалиму. Через месяц-другой наши подруги запустят такой поток паломников в Иерусалим, что твоему папе римскому и не снилось. Надо подсказать морякам, чтобы готовили специальные паломнические туры из Крыма и Риги, да и наших православных монашей и прихожан пусть не забывают. – Наместник взглянул на записи в ежедневнике и сообщил другу: – Завтра Алевтина Сусекова со своими биологами приезжает, она намерена вокруг Иерусалима лесополосу по периметру высадить. Из семян и саженцев ливанского кедра и других редких растений субтропиков. Говорит, к двадцатому веку ливанский кедр исчезнет, оставшись лишь на гербе Ливана.

На столе наместника коротко звякнул телефонный аппарат, Головлев поднял трубку. В микрофоне послышался голос секретарши, сообщившей о просьбе министра Корнеева и министра Седова принять их. Вопрос был формальным, оба старых друга имели право входить к наместнику без доклада, но присутствие на приеме другого министра обязывало спросить разрешения. Наместник коротко пригласил министров и поднялся им навстречу, чтобы поздороваться. Старые друзья начали без предисловий, чтобы не терять времени, совместная работа и жизнь сблизила общее понимание ситуации.

– Петр Иванович, мне вчера вечером Алексей из Москвы радировал, он свою стоматологию открыл. Приглашал наших ребят на обучение и стажировку, очень ему новые бормашины понравились, что полгода назад Сергей Николаевич прислал. Кочнев там планирует чуть ли не мировой стоматологический центр создать, на уровне середины двадцатого века. Для этого

все есть: оборудование, инструменты, обезболивающие средства, материалы для пломб он сам разработал. Но опасается отказа, просит поддержать его на международном уровне, запрос организовать царю или еще что подобное.

– Сделаем, – пометил в своем ежедневнике наместник.

– Еще вот. – Седов положил на стол наместника несколько листов, исписанных красивым каллиграфическим почерком переписчика, потому как корявые каракули самого военнопольного хирурга разобрать мало кто мог. – Это докладная записка по созданию системы научных званий, несколько отличающихся от старых советских. Предлагаю следующие звания: магистр, доктор и академик. Чтобы последнее звание соответствовало реальности, нужна Академия наук Новороссии. С различными отделениями – техническим, медицинским, гуманитарным, биологическим и прочими. Повторять советский опыт с академическими зарплатами боюсь: быстро наплодим бездельников; предлагаю организовать нечто вроде клуба для ученых. Выстроить им роскошное здание, с лабораториями и новейшим оборудованием. Для большинства ученых пусть будет обычный клуб, с бесплатным питанием, где они смогут обменяться идеями и новостями.

– А бесплатные лаборатории и оборудование, вместе с зарплатой, только тем, кто возьмется работать по государственным заказам, – вмешался в разговор Николай, своим извращенным умом быстро понявший суть интриги.

– Примерно так, – кивнул головой Валентин. – Все подробности в докладной записке, даже место для будущей Академии выбрано и примерная смета расписана. Пора нам обрастать сторонниками не только среди военных и промышленников. Ребята, нашим воспитанникам уже по сорок лет, пора им ставить планы на будущее. Надо озаботиться будущим направлением исследований в фундаментальной и прикладной науке.

– Предлагаю где-нибудь в глубинке создать Антиакадемию, – добавил Петро, пролистав докладную записку начерно. – Назвать, конечно, иначе и передать в личное подчинение Седова. Туда собирать всех народных целителей, колдунов, гомеопатов, гипнотизеров и прочих шаманов. К ним добавить технарей, тех же изобретателей вечного двигателя и прочей бредятины. Держать их в черном теле, чтобы заведомых жуликов отместить, но результаты спрашивать, хотя бы раз в году. Кто знает, вдруг есть в неофициальной науке разумное зерно? Я распоряжусь всех колдунов и шаманов из захваченных территорий туда доставлять, к ним можно и негров из Африки добавить. Индейцев, скорее всего, придется на месте изучать, когда опыта наберутся ученые.

– Денег-то хватит? – практично поинтересовался Седов, просчитывая в уме необходимую сумму.

– Хватит, ребята, хватит. – Петро забрался в свое кресло и вытащил из ящика стола пару бумаг, сцепленных скрепкой. Выпуск канцелярских принадлежностей, от скоросшивателей до степлеров и карандашей, промышленники Новороссии наладили лет десять назад, с получением необходимых недорогих сплавов. – Вот справка от герцога Мальборо по чистой прибыли от продажи бельевой резинки и безопасных бритвенных станков с лезвиями за прошлый год. Мы бельевой резинкой всю науку оплатим, еще на культуру останется; вернее, не мы, а остальные европейцы, которые резинку скупают тоннами. Безопасные бритвы медицину поднимут, не хуже бриллиантов доходность выходит, двести процентов чистой прибыли при оптовой торговле.

– Так что, друзья мои, мы давно все деньги из Европы вытягиваем, а сейчас Ближний Восток туда подключим.

– Ну, на Ближнем Востоке народ нищий, да и самого населения маловато, – с сомнением произнес Корнеев, недавно отправивший очередную партию рельсов на строительство чугулки через Суэцкий перешеек.

– Ближний Восток будет только перевалочным пунктом для нашей экспансии в Персию, Индию и Китай. Достроим чугунок из Средиземного моря в Красное море, в Суэц, в порт Акабу. А из них на Средний и Дальний Восток наши корабли пойдут, с новыми товарами и миссионерами. Пусть католики миссионерствуют в Сахаре, нам это все равно на руку – не хватит у них ресурсов на Юго-Восточную Азию. Нам же придется в ближайшие годы направить все силы на Восток: Индия, Индокитай, Китай, Филиппины, Индонезия. Как торговые, так и миссионерские, пока там не обосновались католики. Страны по нынешним временам в разы богаче всей Европы, вместе взятой, покупательная способность огромная. И не за пошлое золото или серебро, а в обмен на пряности, шелковые ткани, драгоценности.

– Мы под это дело промышленный рост в два-три раза освоим, – обрадовался Корнеев, мечтавший об организации подлинно массового производства, способного снизить себестоимость продукции вполтину. – Можно будет начать выпуск кораблей в стальных корпусах, сам процесс уже отработали, дело за госзаказом.

– Госзаказ будет на корабли большого водоизмещения, не меньше двух тысяч тонн. И на товары общего спроса, чтобы не одними ружьями в Индии торговать. Тяпки, ножи, сабли, синтетические ткани, кирзовая обувь; да, чуть не забыл, нужно увеличить выпуск катеров в дюралюминиевых корпусах. В тропиках дерево быстро гниет, катера мы для патрулирования рек будем использовать, ни один нарушитель не уйдет. Испытаем их на Евфрате, это сейчас пограничная река.

– Вот еще, Петр Иванович. – Корнеев традиционно обращался к наместнику по имени-отчеству. – Прошу разрешения перенести самые вредные химические производства в пустыню.

– Но там нужно много воды и горючего, – искренне удивился Головлев. – Нефть в Аравии залегает глубоко, ее лет пять искать будем. С водой в пустыне совсем плохо, как ты знаешь.

– Ну, переносить будем самые вредные производства, и не сегодня. Воду возьмем из Евфрата, нефть за пару лет должны найти, пока строим корпуса и монтируем оборудование, решим с горючим. Все равно на берегу Персидского залива придется нефтеперерабатывающие заводы ставить, технологию отработаем. – Корнеев полез в свой портфель, откуда вытащил тонкую папку-скоросшиватель. Сергей положил ее на стол наместника и добавил: – Тут все обоснования и экономические расчеты. Дешевизна рабочей силы, теплый климат полностью компенсируют все расходы уже через два года, дальше пойдет чистая прибыль. И я прошу утвердить на государственном уровне дальнейшую концепцию промышленного развития страны. Идея в том, чтобы на Острове только разрабатывать передовые технологии, а внедрять их в теплых странах с дешевой рабочей силой и ресурсами.

Да мы уже в шестнадцатом веке перейдем к принципам организации промышленности двадцать первого века, – продолжил Корнеев, глядя на заинтересованные лица слушателей. – На территории островной части Новороссии, как мы и решили, оставим научные институты, военную промышленность, станкостроение, моторостроение и исследовательские центры. Часть шахт и рудников законсервируем на будущее, чтобы сохранить природу Острова. Увеличим количество заповедников и ботанических садов, запретим распаивать леса и луга под новые посевные площади. Пусть крестьяне увеличивают урожайность полей, постигают культуру земледелия. Избыток населения будем аккумулировать в наукоемких производствах, вроде радиотехники, моторостроения, станкостроения, кораблестроения. Остальную молодежь воспитывать в духе первооткрывателей-колонизаторов, чтобы они с детства мечтали о путешествиях и открытиях. Тогда они добровольно и с песнями будут уплывать на освоение Австралии, Южной Америки, Дальнего Востока и американского Запада.

В моей записке есть расчеты по переносу целлюлозной промышленности в таежные регионы Северной Америки, в африканские джунгли. Если вы согласны, уже через два года на Острове не останется вредных промышленных производств, только лабораторные исследования.

– Однако... – не нашел слов на такое предложение наместник. – А вдруг война и блокада Острова, тогда как?

– Откуда блокада появится? Сейчас наши корабли и самолеты сильнее всего европейского флота. Если мы не дадим расползтись новым технологиям по миру, подобное состояние сохранится на полвека или больше. За это время наши технологии уйдут вперед настолько, что догнать не сможет ни одна отдельная страна. Если сами не дадим такую возможность, не вырастим себе врагов и конкурентов. К тому же промышленность не займет плодородные почвы, население Острова всегда сможет прокормить себя, особенно с учетом селекции растений и дозированного применения удобрений. Военная промышленность однозначно останется на Острове, законсервированные шахты можно пустить в строй за считанные недели. Кроме того, можно и нужно создать в нескольких местах стратегические запасы металлов, оружия, боеприпасов, лекарств и продуктов, как это делали в России.

– В этом есть здравая мысль, – задумчиво протянул Валентин. – Остров сохранит нетронутую чистую природу и экологию, можно сделать его всевропейской лечебницей. Уже сейчас нет отбоя от желающих лечиться в Петербурге, а если мы оборудуем новейшие лечебницы с передовым оборудованием, превратимся во вторую Кубу. Я имею в виду в части лучшей медицины в регионе. Да и богатых европейцев привяжем к Острову, им свое здоровье ближе и роднее, нежели торговые убытки страны. Как у нас восточноевропейские страны на корню предавали свои народы за американские подачки, в виде учебы детям и лечения правителям? Так и нам надо привязывать европейцев к нашим товарам и услугам, а получать от них продукты и полуфабрикаты вроде слитков разных металлов и минерального сырья. Тогда в Южной и Западной Европе своя промышленность вовек не разовьется, этот регион превратится во вторую Африку. Нам, русским людям, это даст не только прибыль, но и безопасность Руси, Западного Магадана и Новороссии на многие века вперед. Не забывайте, что в ближайшие четыре века все войны будут приходить на Русь из Европы, так было в нашем времени.

– Тогда и международную валюту надо вводить, – с хитринкой взглянул на собеседников Сергей Корнеев. – Некое подобие доллара или евро, производить которое сможем только мы. Но без содержания золота и серебра, например пластик.

– Говори, хитрец, – ухмыльнулся Головлев, знавший за Корнеевым привычку готовить в тайне промышленные сюрпризы. – Что подготовили твои изобретатели, бумажные деньги? Не рановато? Обрушим нашу экономику фальшивками?

– Нет, не бумажные деньги, а пластиковые! – Корнеев наслаждался искренним удивлением в глазах своих друзей. Затем жестом фокусника вынул из портфеля с документами новенький блестящий бумажник из крокодиловой кожи и вытряхнул на стол его содержимое, прямоугольные и круглые пластинки из разноцветного пластика. – И образцы уже имеются, взгляните!

Высшее руководство Новороссии с интересом любовалось прямоугольными пластинками размером с кредитную карточку, с выдавленными элементами защиты, тонкими линиями металлических полосок и рельефным рисунком. В круглые монетки были впрессованы металлические кресты и звездочки, покрытые прозрачным пластиком. Мужчины с интересом перебирали образцы, соглашаясь с тем, что подобные «купюры» в современном обществе не подделает никто, как минимум лет тридцать-сорок, а то и больше. Поскольку все знали, что изделия из пластика даже Новороссия с Западным Магаданом не производят никакие, а другие страны до этого не доросли.

– Медный бунт не повторится, как в Москве при Алексее Михайловиче? – заинтересованно взглянул на друга Николай Кожин, не сомневаясь, что Корнеев все продумал основательно, в том числе и применение своих денег.

– Я немного посоветовался с Павлом Аркадьевичем по историческим аналогиям и предлагаю следующую схему применения наших денег. – Корнеев заметно волновался, даже вынул

из кармана листок с основными тезисами, чтобы не забыть от волнения какую-либо деталь. – Медный бунт в семнадцатом веке возник из-за того, что государство вбросило медные деньги, а налоги требовало исключительно серебром. Если мы не будем так поступать, пластик легко возьмут крупные торговцы, как минимум. Я предлагаю прямоугольные пластинки сделать номиналом от ста до одной тысячи червонцев, а круглые – соответственно от десяти до пятидесяти червонцев. И начать не только с обмена в банках Новороссии, а декларировать продажу самых востребованных товаров иностранцам только за пластик. Аналогично тому, как нефть торгуется только в баррелях за доллар.

– Может вполне пройти, – кивнул головой Головлев, отлично знавший перечень самых востребованных иностранцами товаров. – Те же ружья и патроны будут покупать хоть за стеклянные бусы, да и на другие товары целая очередь существует. Опять же, при лечении иностранцев можно с них исключительно пластиком брать. А оптовую торговлю с нашими колониями вполне свободно на пластик переведем, банки там пока не котируются, всем нужна наличность.

– Особенно, если в первые годы при внутренних покупках государственных товаров за пластиковые деньги ввести небольшую скидку. И обязательно принимать пластиком налоговые платежи и пошлину... – зачитал Корнеев последние строки своей шпаргалки, вытирая пот со лба. Все-таки волновался командир новороссийской промышленности, как примут его инициативу друзья и начальство.

– Договорились, готовьте указы на подпись. По пластиковым деньгам выпускайте первую пробную партию, за месяц управитесь? Хорошо, тогда и начнем претворять в жизнь ваш коварный план, Сергей Николаевич. Дальше, по продовольственной безопасности, завтра приедет Сусекова, решу с ней об организации на Острове селекционного института. И чтобы она прислала к нам нескольких биологов с опытом организации заповедника. Пусть с нашими профессорами выберут необходимые территории, обучат местные кадры. – Наместник записывал свои намерения в ежедневник, уточняя формулировки у собеседников. – Сергей Николаевич, с тебя указ по реорганизации промышленности, не забудь штрафные санкции для нарушителей. Валентин Петрович, готовь документы по расширению лечебниц, с примерной сметой. Николай Владимирович, ты чем займешься?

– Я прошу отпустить меня с Алевтиной в Палестину, надо за евреями присмотреть лично, пока они не наворотили чего непотребного. Пользуясь случаем, хочу уточнить по еврейским кадрам. Что с ними будем делать?

– В каком смысле?

– В смысле сохранения государственной тайны и промышленного шпионажа. – Николай поднялся из кресла, чтобы подойти к двери. Проверил, нет ли кого за дверью, и вернулся к столу. – Помните, как американские евреи передали в СССР атомные секреты? Как потом советские евреи эмигрировали в Израиль и Америку, вывозили туда секреты СССР, и не только военные? Сколько сейчас в наших институтах молодых еврейских мальчиков? Кто гарантирует, что их дети и внуки не продадут наши технологии французам или немцам? Мои контрразведчики не всесильны, могут и прошляпить грамотного шпиона. А православные нынче евреи легко могут под старость лет вспомнить веру предков.

– Что ты предлагаешь? – Все трое его друзей синхронно повернулись к Кожину.

– После организации еврейского государства под нашим контролем нужно развернуть агитацию за возвращение евреев на историческую родину. Возможно, удастся найти средства для материальной поддержки реэмиграции. Учитывая, что натворили нынешние еврейские солдаты при выселении палестинцев, отношение соседних мусульман к ним будет аналогичное нашей истории. Мы же получим преданных союзников на Ближнем Востоке, поскольку с мусульманами заигрывать не собираемся. – Кожин перевел дух и продолжил: – При грамотной агитации через пять-десять лет иудеев в Новороссии не останется, а талантливых еврейских

мальчиков на учебу и работу брать надо обязательно. Но с обязательной подпиской о православном крещении и невыезде за пределы Новороссии на постоянное жительство. В нынешних условиях это нормально, по оценкам моих аналитиков, евреи такие меры воспримут спокойно. Зато никаких криков о возвращении на историческую родину не будет, по договору их недвижимость перейдет государству. Никакой политики, исключительно честное исполнение договора.

– Хорошо, – подытожил наместник, – еще вопросы есть? Тогда, как говорили классики, за работу, товарищи!

Глава третья

Старый буйвол, укрывшийся в теплой луже от жары и насекомых, дремал, не пропуская мимо длинных ушей ни единого подозрительного звука. Где-то далеко за пределами джунглей слышались крики людей, не беспокоившие лесного великана привычной суетой. Со стороны джунглей так же привычно орали обезьяны, птицы перекликались, не давая повода для опасений. Совсем рядом изредка шлепали хвостами дремавшие в грязи коровы, всецело доверившись своему вожаку и повелителю. В привычный концерт лесного шума диссонансом на самой грани слышимости вторглись непонятные шумы, напомнившие буйволу жужжание далекого овода или москита. Это жужжание поначалу не беспокоило старого вожака, слишком далеко были непонятные москиты.

Но шло время, жужжание становилось все громче и ближе, не останавливаясь ни на миг, словно целая стая москитов приближалась к стаду, укрывшемуся в луже. Наконец, буйвол вспомнил, что подобное жужжание он слышал давно, будучи еще молодым теленком. И не москиты так шумят, а страшные лесные пчелы, много лет назад едва не лишившие буйвола правого глаза. Тогда молодой теленок по собственной глупости растоптал упавшее с ветки во время бури пчелиное гнездо, решив полакомиться сладким медом. И едва остался живым, спрятавшись от ядовитых укусов в мелкой речушке, где пришлось выжидать полдня. Однако терпеливые пчелы так изжалили ноздри бычка, что два дня приходилось дышать через рот: опухоль от укусов перекрыла путь для дыхания.

Страшное воспоминание от далекой встречи с пчелами подкинуло буйвола из грязи, приближающееся жужжание пугало своей силой и громкостью. Если маленькие пчелы едва не погубили буйвола, то нынешние громко жужжащие пчелы несут непременную гибель всему стаду. Вожак громко заревел, будоража своих подопечных, выждал пару минут, пересчитывая большую семью, и неторопливой рысью двинулся в глубь диких джунглей, подгоняя отстающих грозным рыканьем. Спустя полчаса бега жужжание стало еле слышимым, грозная стая страшных пчел прошла стороной, однако вожак не спешил возвращаться, выбирая новую грязевую лужу, где можно укрыться от невыносимой жары и насекомых. Еще через четверть часа стадо вновь дремало в грязи, не забывая прятать ушами в поисках опасности.

Жужжание, так напугавшее буйволов, не исчезло, оно продолжало свое движение на север, вдоль правого берега великой реки Инд. Если бы буйвол рискнул подняться на пригорок, он наверняка рассмотрел бы даже своими подслеповатыми глазами длинную вереницу грузовых машин, двигавшуюся по дороге вдоль Инда вверх против течения. Именно грузовые машины так надрывно шумели, распугивая местную живность. Разве что любопытные обезьяны рисковали рассматривать с веток ближайших деревьев железные коробки, ползущие по дороге. Одна за другой машины проходили мимо примыкавшего к дороге кусочка джунглей, скрываясь в пыли между полями пшеницы. За машинами неторопливо трусили верховые верблюды, замыкали огромный невиданный ранее караван повозки, запряженные быками и ослами.

Если бы любопытные обезьяны могли разговаривать, как персонажи «Книги джунглей» еще не родившегося Киплинга, и спросили пролетающих в небе коршунов, что происходит, ответ был бы следующим. Подобная же колонна из машин, всадников и повозок двигалась на север вдоль левого берега Инда, а по самой великой реке сутки назад прошли два десятка самоходных катеров вверх против течения, разгоняя шокированных крокодилов шумом своих моторов. И не просто так двигались эти невиданные машины вдоль великой реки, не для развлечения распугивали крокодилов самоходные катера. Коршуны, как множество пернатых падальщиков, второй месяц сопровождали армию вторжения, отъедаясь на трупах животных,

а то и человеческих, брошенных на полях сражений. В долине Инда шла война, оставляя после себя разоренные селения и брошенные хозяйства.

Да, второй месяц двигались отряды Новороссии по долине Инда, захватывая одно селение за другим. Давно остались позади болота и рисовые поля нижнего течения великой реки. Там, в отсутствие нормальных дорог, при безуспешных попытках сопротивления местных загиндаров (индусских вождей и князей), скорость движения русских частей не превышала двадцати верст за день. Почти три недели отрядам венгерских, польских и немецких ветеранов приходилось пробиваться вперед сквозь хлипкие ряды ополчения и княжеских дружин, выставленных местными феодалами-загиндарами и помещиками-джагиндарами. У кадровых солдат и офицеров Новороссийской армии подобное сопротивление вызывало усмешку, не более. Даже княжеские дружины выступали на поле боя исключительно с холодным оружием и луками в руках. Впрочем, индусские дружинники были одеты в роскошные доспехи, умели держать строй и не бежали с поля боя от первых выстрелов из ружей.

Но даже простые ружья пробивали их доспехи с расстояния две сотни метров, а пулеметы из боевых машин и грузовиков не давали никаких шансов противнику приблизиться на расстояние удара копьем. Дружины, выставленные загиндарами на поле боя, не могли продержаться более пяти минут. Ополченцам не требовалось и этого, почти все они сдавались в плен и складывали оружие после показательного уничтожения дружинников. При этом для русских ветеранов не играла роли численность противника. С одинаковой беспощадностью полурота русов громила и пару сотен встречных дружинников, и двухтысячные вражеские отряды. Разве что для крупных целей приходилось разворачивать минометы и пушки, что немного задерживало сражение. Но в этом русские офицеры стали непреклонными: после фиаско в пустыне даже поляки и венгры не считали артподготовку трусостью. И давно забыли, как бросаться в бой без разведки и подготовки.

В похожем стиле происходили бои с несколькими мусульманскими отрядами, попытавшимися остановить наступление русов. Принципиальной разницы германские пехотинцы не заметили, кроме расхождения в собранных трофеях. Мусульмане были вооружены гораздо богаче, да и одеты соответственно. Не говоря о более породистых скакунах и тяжелых кошельках с деньгами. Какое-то подобие огнестрельного оружия отряды вторжения встретили на стенах крупных городов, в виде небольшого количества пушек. Правда, осажденным пользы такое оружие не принесло, пушки были расстреляны сразу после обнаружения их на стенах крепостей. Как и сами стены, быстро разбитые фугасными снарядами крупного калибра. Почти двадцатилетняя тактика захвата городов малыми силами и здесь не дала сбой, потерь у нападавших практически не было.

Никаких потерь, ни боевых, ни «небоевых», наступавшая армия не имела. Строгая дисциплина поддерживалась офицерами и десятниками, невзирая на походные условия. Опыт войны в пустыне не прошел даром, никто из солдат не пытался пить сырую воду, походные кухни блестели, их драили каждый день и ошпаривали кипятком. Редкие случаи инфекционных заболеваний выявлялись сразу, с изоляцией заболевших в палатках лекарей и активным лечением. Потому за первый месяц боевых действий среди шеститысячной армии вторжения умерли девять человек, да восемь десятков находились на излечении. Вскрытие умерших показало гибель от естественных причин – шесть разрывов сердца и два острых аппендицита. Больных просто не успели доставить к хирургам, аппендицит русская медицина оперировала более двадцати лет. И это были все потери наступающих русов, поскольку боевых потерь за первый месяц не было, смертельных не было, только раненые.

Тыловые службы русской армии, воспитанные на постоянных военных конфликтах и строгом соблюдении требований наместника, бывшего кадрового офицера, работали отменно. Не только в части подвоза боеприпасов и продуктов, замены обмундирования и ремонта техники. В привычном быстром темпе собирались многочисленные трофеи, производились захо-

ронения погибших людей и убитого скота, за этим строго следили лекари, во избежание эпидемий. Одновременно тыловики успевали осваивать захваченные территории, действуя строго в рамках новороссийского законодательства. Именно тыловые службы занимались установлением русской власти в занятых селениях, со всеми сопутствующими мероприятиями.

Начинали свои действия оккупационные власти назначением новой власти с сохранением старых чиновников, лояльных к русам, и старой единой налоговой системы, отработанной шахом Акбаром несколько десятилетий назад. Для большинства населения захваченных земель этого было достаточно, поскольку старый принцип о неприкосновенности простых жителей русскими солдатами соблюдался строго. Страдали исключительно те, кто пытался оказывать вооруженное сопротивление русам. Сами индийские дружинники и ополченцы, коим посчастливилось выжить и попасть в плен, активно привлекались к работам по ремонту разрушений и строительству новых зданий. Имущество непокорных загиндаров и джагиндаров было конфисковано, семьи активно переселялись в Южную Африку и опустевшие селения Аравии. Конечно, не в чистое поле и не на голодную смерть, необходимый набор одежды и домашнего скарба все брали с собой. А в новых местах переселенцы обеспечивались работой обязательно, за этим строго следили русские власти.

В результате опустевшие поместья и княжеские дворцы переходили в русскую казну, а поток трофеев спешно доставлялся в Новороссию. Как на Остров, так и в прочие владения, поскольку трофеи из богатых индусских городов превосходили все ожидания русов. Не в смысле редкости и богатства, поскольку индусскими шелками, пряностями и прочими товарами в Европе торговали давно. Нет, удивление вызвал огромный объем захваченных ценностей и товаров, только конфискованного на складах риса было перевезено в Новороссию три годовые нормы потребления. При этом новые власти строго следили, чтобы вывоз товаров, и особенно продуктов, не вызвал голода в захваченных землях. Опыт Британии, в свое время оставившей индусов без пропитания, в результате чего умерли от голода миллионы людей, магаданцы помнили отлично. Объемы поступающего в Новороссию шелка превзошли все ожидания, цены на эту ткань в метрополии упали вдвое, вызвав небывалый ажиотаж. Резко падали цены на пряности по всей европейской территории Новороссии, объемы поступления которых превысили весь испанско-португальский завоз в разы, едва не на порядок.

Но все эти приятные события происходили на внутреннем новороссийском рынке, за границу трофеи поступали по ценам, сопоставимым с европейскими, путем резкого повышения вывозных пошлин на индийские товары. Благо все трофеи шли по государственной линии, и небольшой ручеек частных закупок не мог существенно повлиять на объемы поставок. Вся Европа, примолкшая в злорадной надежде поражения русов от Великих Моголов, скрежетала зубами от зависти и гнева. Португалыцы, столетие вывозившие на своих каравеллах шелка и пряности из портов Индийского океана, вместе с турками, оседлавшими сухопутную торговлю с Востока, терпели огромные убытки. Скорость и объемы русских поставок товаров из долины Инда просто не оставляли им никаких шансов на привычные сверхприбыли. И это было только начало экономических приобретений русов от захвата огромной богатой северной территории Индии.

За тыловыми службами на выморочные земли шли геологи и промышленники, торговцы и миссионеры из Новороссии. На новой территории Новороссии повторялась уже отработанная картина освоения ресурсов, пять лет назад начатая в Северной Европе, с учетом полученного опыта и сделанных ошибок, а также с рекомендациями министров промышленности и экономики. Первыми в субтропики с дешевой рабочей силой и ресурсами, где не надо заботиться об отоплении зданий и теплой одежде для рабочих, перемещались целлюлозные предприятия и химические заводы. Где-то перевозили старое оборудование, где-то сразу монтировали новейшее. Вместе с техникой ехали мастера и опытные рабочие, заключившие трех-пятилетние контракты на работу в теплом климате и обучение новых туземных специалистов. Благо было куда

ехать. На захваченных землях русы сооружали легкие ангары или просто навесы, за гроши нанимали разнорабочих, которым и такие деньги казались манной небесной. После чего опытные специалисты в меру своих способностей налаживали производство, дававшее более дешевый продукт при меньших затратах и прежнем качестве. Пока русы перевозили производства в Аравию и на Ближний Восток, армия продолжала наступать на империю Великих Моголов, уверенно и быстро продвигаясь на север.

Как бы ни мешали болота и джунгли в первые недели, через полтора месяца боевых действий передовые отряды русов вышли к городам Джемпуру и Бахавалпуру. Позади были почти шестьсот верст трудного пути, до столицы Великих Моголов – города из красного песчаника Фатхпур-Сикри, оставалось приблизительно столько же. Климат в этих местах уже заметно изменился, болотистая долина реки Инд поднялась на возвышенность. Воздух уже не напоминал жарко натопленную баню, был чистым, прохладным, рисовые чеки сменились пшеничными полями. Дороги стали более проходимыми, техника получила возможность проявить свою полную силу. Офицеры большинства отдельных подразделений съезжались на первое совещание, для корректировки планов дальнейшей операции с учетом опыта боевых действий против армии Моголов.

Выбравшиеся из болот на оперативный простор бойцы радовались свежему ветру, принесшему прохладу, хотя и летнюю. Отдыхали от месяца трудного марша, купались в прозрачных быстрых ручьях, ремонтировали технику, подшивали изорванную форму, строили планы по освоению захваченных земель. Многие уже присмотрели себе будущие поместья, намереваясь после заключения мира подать рапорты об отставке и приобретении поместий. Здешние земли и люди не шли ни в какое сравнение с пустынями берегов Евфрата, одни женщины чего стоили. Большинство индусов не отличались внешне от европейцев, а женщины красотой соревновались со славянками, будто подчеркивая общие корни индоарийской расы. Многие офицеры и рядовые были знакомы с творчеством наместника Петра Головлева, активно продвигавшего книги о славянском братстве, общих индоевропейских арийских корнях славян, индусов и персов.

Поскольку фигуры и лица индианок служили лучшим доказательством подобной теории, а климат с каждой сотней верст вверх по течению Инда становился все лучше, польские и венгерские ветераны все чаще задумывались о проживании в этих благословенных краях. Лишь упрямые холостяки поддразнивали сослуживцев, намекая, что дальше на восток женщины станут еще красивее, а земли все богаче и богаче. Учитывая победоносное шествие русской армии по захваченным землям Великих Моголов, пугавших европейских королей лишь одним своим именем, никакого сомнения в своих возможностях у бойцов русской армии в дальнейших успехах не возникало. Блицкриг шестнадцатого века удался; пройдя за шесть недель более шестисот верст по болотистым низменным землям, офицеры не сомневались, что на плоскогорье и сухих грунтах скорость движения подразделений значительно вырастет. Учитывая подавляющее превосходство русской армии над местными дружинами, многие торопыги рассчитывали захватить столицу Великих Моголов через две недели, не больше.

– Сколько войск у них, удалось, наконец, сосчитать, или нет? – злился могольский шах Акбар, не понимая, как найти слабое место у новых врагов. Две недели назад высадившиеся на морском побережье в болотистой дельте Инда европейцы, которым Акбар не придавал серьезного значения, через пленного загиндара имели наглость отправить послание самому шаху. В письме, написанном на двух языках – русском и санскрите, высадившиеся на побережье русы объявляли себя освободителями индусов от покоривших их диких кочевников из Афганистана. Объясняли они свое наглое вторжение якобы родственными отношениями с индусами. С подобной наглостью Акбар давно не встречался, разве что лет сорок назад, когда молодым юношей боролся за власть после смерти отца. Но последние тридцать лет никто из ближайших соседей не рисковал демонстрировать подобную дерзость.

Тогда, две недели назад, Акбар велел загиндару Ахмад-бею собрать десять тысяч всадников и привести командира этих нечестивых европейцев в цепях в столицу империи Моголов. Больше количество войск загонять в болота морского побережья Акбар не хотел: жалел коней, конечно. Да и местные загиндары обязаны выставить свои дружины, которых должно набраться вдвое больше основного отряда. Пока Ахмад-бей собирал свои отряды возле города Лахора, шах не забыл отправить к побережью два отряда разведчиков. Несмотря на многочисленные победы, Акбар не ленился выяснять все слабые места врагов до битвы, чтобы ударить противника в самое слабое место. Потому и расширил отцовские владения от Инда до Ганга, захватив полуостров Индостан в полукольцо с севера.

Вернувшиеся утром разведчики доставили страшные новости: европейцы не только успешно захватили побережье, но и продвинулись на север, вверх против течения Инда. За месяц враги захватили третью часть владений шаха Акбара и, по рассказам верных людей, не собираются на этом останавливаться. А общую численность отрядов противника разведчики вообще определили всего в шесть тысяч воинов, зато вооруженных скорострельными ружьями и дальнобойными пушками, опять же скорострельными. По их рассказам, ружья и пушки стреляют так часто, как опытный лучник стреляет из лука, а порой даже быстрее лучника. Если бы Акбар не знал своего разведчика двадцать лет, не поверил бы ни за что. Однако здесь, в горах, всегда можно напасть на врага внезапно, когда огнестрельное оружие не спасет, а в сабельном ударе своей конницы шах Акбар не сомневался. Осталось уточнить вражеские потери, что они понесли при захвате земель, и выбрать место для сражения.

– Потерь у них не было совсем. – Ответ разведчика взбесил еле сдерживавшего себя шаха.

– Как нет? Они что, бессмертные? Ты, скотина, сам видел врагов или в повозке спал все это время? – Рука шаха потянулась к богато изукрашенному изумрудами и рубинами кинжалу, традиционно висевшему на поясе.

– Нам удалось выкрасть пленного индуса, что участвовал в последнем сражении с русами. Он утверждал, будто дружина местного загиндара была расстреляна русами из своих пушек и ружей за триста шагов. Стреляли те из закрытых железных домов на колесах, называемых «машины». Стены этих домов стрелы не пробивают, а ударить копьем никто не смог, просто ни один дружинник не добрался до русов живым, даже на самых резвых скакунах. – Командир разведчиков перевел дух, понимая, что балансирует на грани жизни и смерти. – Этому индусу другие пленники рассказывали, что в прежних сражениях также никто из дружин других загиндаров не добирался до русов, чтобы вступить в честную схватку.

– Иди, – отпустил разведчика шах Акбар, опасаясь, что не сдержится и прикончит того на месте. Затем задумался, какой участок горной дороги наиболее удобен для внезапного нападения на русов. Долго перебирал в памяти горные тропы, глядя на карту, лежащую на ковре. Потом вдруг понял, что смирился с превосходством врага и собирается только обороняться, чего не делал уже лет сорок. Внезапно ему пришла на память часть письма этих русов, в которой они процитировали самого Акбара: «Правитель всегда должен стремиться к завоеваниям, иначе его соседи двинут войска против него». Именно его словами, без иных объяснений, русы заявили свои наглые требования.

На шаха, подошедшего к своему шестидесятилетнему рубежу без поражений, сумевшего в тринадцать лет крепко утвердиться на отцовском троне, более сорока лет только расширявшего свои владения, навалилась тяжесть предчувствия. Акбар ясно понял, что проиграет русам эту войну, поражение неизбежно, слишком превосходит оружие европейцев возможности армии Моголов. Захотелось бросить все, укрыться в родных горах Афганистана, где-нибудь за дальними перевалами, куда никакой чужак не доберется. Защемило сердце от жалости к своему сыну, которому достанется не огромная империя, собранная отцом и дедом, а судьба беглеца, вынужденного искать милости власть имущих. Потом шах вспомнил, как сам метался

в юношеские годы, не зная страха, один лишь азарт и бешенство помогли выжить в кровавой междоусобице.

– Ничего, у моего сына хватит сил выдержать и начать все сначала. – Акбар успокоился, сдерживая свой гнев, и приступил к планированию первоначальных действий. – Сына с отрядом верных людей нужно срочно отправить в Афганистан, пока не дошли слухи о поражении наших загиндаров. Так. Сегодня же собирать всех загиндаров, джагиндаров, вождей союзных племен из пуштунов, всех, кого можно. Пусть срочно спешат к Лахору, дня через два туда отправлюсь сам, за неделю доберусь. Дальше... где мой секретарь и два писца? Бегом ко мне, срочно вызвать всех ближних вельмож! Через полчаса чтобы все были, бегом!!

Шах империи Моголов Акбар не зря продержался у власти более полувека и захватил половину Индии. Он действительно был великим человеком, умевшим не только хорошо воевать, но и управлять захваченными землями, развивать торговлю и культуру. Но он был человеком своего времени и не мог даже предположить, что ему противостоят войска, обученные по меркам следующего тысячелетия. К тому времени, когда его свита с набранными наскоро войсками только начала движение в сторону Лахора, город уже был захвачен русами. От Лахора три германских пехотных усиленных батальона повернули на восток, двигаясь к столице империи Моголов. Именно на них, неполные две тысячи моторизованных пехотинцев с приданными пушками и минометами, наткнулись передовые части армии шаха Акбара, спешившие в Лахор.

Пока разведчики шаха сосчитали противника, сообщили об этом командованию, пехотинцы успели закрепиться на позициях и сообщить о предстоящем сражении командованию. Учитывая особенности рельефа местности, командующий армией вторжения полковник Строгов рискнул вызвать воздушно-десантную бригаду. Два десятка грузовых самолетов и батальон десантников как раз перебазировались на восточный склон Сулеймановых гор, неподалеку от города Джемпура. Парни два года тренировались в прыжках с парашютами (по-здешнему с платом), участвовали в диверсионных операциях. Но в крупных войсковых операциях пока не бывали. Полковник рискнул задействовать в окружении и уничтожении шаха Акбара именно десантников, понимая, насколько важно быстро обезглавить империю Моголов.

Строгов даже мысли не допускал, что три усиленных германских батальона могут не разбить армию шаха Акбара, какой бы она ни была большой. Ибо под Лахором войска пополнили очередной раз боезапас и горючее, а потерь при штурме города не допустили, как обычно. Полтора дня ушли у армии шаха Акбара для того, чтобы собраться перед внезапно появившимся врагом. В глубине души опытного правителя затеплилась надежда на победу, враг неосторожно разделил и без того небольшие силы, предоставляя отличную возможность уничтожения их по частям. Разум опытного полководца не мог поверить в такую безрассудность опытного врага, но сердце так стремилось к победе, уговаривая самого себя: «А вдруг командир русов недооценил нас? Вдруг он поддался победному хвастовству?» Еще сильнее шах Великих Моголов захотел победить, когда узнал, как русы расположили свои войска.

Неверные гяуры не прижались к подножию холмов, закрывая себя от атаки со спины, как сделал бы любой на их месте при встрече с превосходящими силами врага. Нет, они нагло поставили основную часть своих сил посреди долины, перекрывая путь армии Акбара. А четыре десятка своих железных домиков на колесах, как руки, раскинули в стороны, пресекая возможность обхода своих позиций по склонам холмов. Правда, между тремя русскими отрядами было слишком большое расстояние, около тысячи шагов. В такие дыры любая армия пройдет беспрепятственно и не спеша. Возможно, трусливые гяуры и хотели этого, чтобы не сражаться с войском шаха? Как бы там ни было, Акбар решил дать сражение врагу в полную силу, пока к ним не подошло подкрепление, на которое, возможно, русы рассчитывали. Многократное превосходство в численности над врагом так ослепило правителя Великих Моголов, что он забыл свою прежнюю мысль о нападении на опасного врага внезапно, из-за укрытий, в

узких ущельях и на горных перевалах. Конечно, даже подобная тактика не могла спасти империю от русов, но замедлить их движение и затянуть войну шах Акбар имел полную возможность. Чем, к сожалению для себя, не воспользовался, поддавшись азарту численного превосходства и поверив в свою победу.

Ранним летним утром восемнадцатого июля тысяча пятьсот девяносто седьмого года произошло крупнейшее сражение русско-могольской войны неподалеку от небольшого индийского городка Джаландхара. Со стороны русов оборону заняли три моторизованных пехотных германских батальона, усиленных артиллерией и минометами. Общая численность бойцов не превышала двух тысяч человек, с приданной техникой в количестве двенадцати машин разведки и ста восьмидесяти трех грузовиков. Командовал германской обороной старший по званию подполковник Фредерик Гогеншауфен, воевавший на стороне магаданцев со времен захвата Стокгольма. Именно тогда молодой офицер из германских наемников на шведской службе, пораженный необычным оружием и стремительностью действий небольшого отряда иностранцев, захвативших шведскую столицу без потерь, рискнул поступить на службу к магаданцам и не прогадал.

Год усиленных тренировок на Севере, в окрестностях Мурманска, Фредерик запомнил на всю жизнь, с течением времени вспоминая морозы и ветер полярной ночи как лучшие месяцы своей жизни. Именно там произошел перелом в сознании молодого офицера, сумевшего перешагнуть через привычные армейские штампы, чтобы всем умом и душой впитать наставления магаданских инструкторов. Именно на Севере, в многочисленных тренировках и учебных сражениях, прапорщик Гогеншауфен пытался со свойственным юности азартом максимально точно освоить приемы своих учителей. Затем последовал стремительный захват Восточной Пруссии, штурм Риги, в котором молодой прапорщик магаданской армии сумел отличиться, разоружив вражеский отряд впятеро крупнее своего взвода без потерь со своей стороны. Затем была учеба в военном училище, в числе лучших офицеров и сержантов. Там дальнейшее развитие магаданских военных новаций успешно легло на почву победного военного опыта молодого офицера. Потом служба не давала скучать: постоянное освоение нового оружия и новой техники перемежалось с частыми военными конфликтами. Высадка десанта на Оловянный остров, захват Крыма, участие в Польско-турецком походе. Не везде успел побывать Гогеншауфен: отчаянно завидовал участникам налета на Константинополь, десанта на Кипр, набегов на турецкое побережье. Хотя и сам не терял времени даром: удачно женился и растил детей, радуясь милой супруге и вихрастым малышам.

Шли годы, молодой офицер набрался опыта, давно командовал батальоном и ждал перехода на полк. Дело подошло к выслуге лет, после которой подполковник мог спокойно отправиться на заслуженную пенсию, приобрести поместье да разводить там кого угодно, хоть страусов. Или отправиться в Америку, где отставным офицерам бесплатно выдавались плантации сахарного тростника или хлопка, страдавшие от недостатка опытных руководителей. Но истинного служаку не привлекали хозяйственные прибыли, подполковничье жалованье вполне хватало для содержания жены с подрастающими тремя сыновьями в Петербурге, где семья Гогеншауфенов владела двухэтажным особняком. Тем более что два старших сына, Петр и Николай, пошли по стопам отца и учились в военном училище, на гособеспечении. Размышляя, как закончить военную карьеру, подполковник никак не смог пройти мимо последних двух кампаний.

Он в числе первых подал рапорт о переводе в формирующиеся части германских пехотинцев, здраво рассудив, что именно им предстоит пройти боевое крещение. Пришлось многому обучаться наравне с молодыми прапорщиками и поручиками, но техника восхищала опытного командира. Вспоминая Крымский поход, Фредерик представлял порой, как он прошел бы тот путь заново, с новым оружием и машинами. Не зря представлял, вскоре германским пехотинцам пришлось пройти Аравию вдоль и поперек, изучая новые возможности техники и

своих бойцов. Там Гогеншауфен воплотил свои мысли в дела, не допустив прежних ошибок, удержал от них своих подчиненных, одновременно максимально результативно использовал приданную технику и новое вооружение. Эта военная кампания доставила ветерану подлинное наслаждение своим могуществом. Некоторое сожаление оставила лишь откровенная слабость противника, не давшего Гогеншауфену возможности почувствовать полноценный азарт пьянящей грани между жизнью и смертью. В Маскате, в короткие недели отдыха, подполковник даже помолодел, сбросив вместе с лишним жирком и десяток лет. Никакого сомнения в результатах военной операции в империи Моголов лично у Гогеншауфена не было.

Да, старый служака был в меру осторожен, не спешил с нападением, особенно в непонятных условиях. Изучал врага постоянно, считая разведчиков первыми помощниками, не стеснялся лично допрашивать пленных и местных жителей. Фредерик был наслышан о шахе Акбаре, воевавшем с тринадцати лет и захватившем за сорок лет половину Индии. Но и он сам прошел двадцать лет боев под Андреевским флагом, никогда не терял присутствия духа, не пасовал ни перед какими превосходящими силами противника. В училище он одним из первых изучил тактику войн и сражений магаданцев в изложении самого Петра Головлева. Фредерик лично использовал за годы сражений часть рекомендаций своего учителя и не сомневался в подавляющем превосходстве магаданской тактики и русского оружия. Размещая свои три батальона против армии шаха Акбара, Гогеншауфен заботился не о победе, в которой не сомневался, а о сохранении бойцов и выполнении боевой задачи – не дать шаху скрыться с поля боя.

Сам Акбар, имея под командованием сорок пять тысяч воинов, действовал по привычной схеме боя с непонятным и малознакомым врагом. Из пятнадцати тысяч лучших всадников империи третью часть ранним утром шах отправил в обход вражеских позиций. Как бы ни складывалось сражение, атака врага с тыла всегда поможет победе. Оставшиеся десять тысяч отборных конных бойцов, закованных в стальную кольчугу с островерхими стальными шлемами, заняли позиции поблизости от Акбара; они будут основной ударной силой. Сам шах империи Моголов разбил шатер главнокомандующего на удобном для наблюдения пригорке, в трех верстах от вражеских укреплений. Как бы ни сложился бой, опытный полководец не сомневался: сражение затянется надолго и будет непростым.

Тридцать тысяч пехотинцев, наскоро набранные из дружин загиндаров и ополченцев, заняли долину между шахом и русами, вытаптывая созревшие посевы пшеницы. Именно этим пешцам предстояло сделать первый ход в сражении, словно первой пешкой на шахматном поле. Акбар отправил посыльных командирам отрядов, передавая команду первой атаки всех русских укреплений. Стояло раннее утро, солнце едва появилось, но жаркие лучи успели высушить траву и нагреть доспехи на солдатах. Пять тысяч воинов передовых отрядов, начавшие движение в сторону врага, были облачены в доспехи и успели повоевать. С привычным фатализмом пешее войско ровным шагом направилось к русским позициям, до которых было совсем недалеко – полтысячи шагов.

Глухой топот подкованных железными набойками тысяч сапог быстро перемолол всю растительность на пути. Пять тысяч воинов заняли почти всю ровную поверхность долины шириной до трех верст и двигались огромной цепью в два человека глубиной. Казалось, весь военный лагерь моголов замер, внимательно глядя на приближавшихся к позиции русов пеших дружинников. Минуты медленно тянулись, словно завязли в летнем зное, индусы шли вперед, выставив копья, а у врага ничего не происходило. Железные коробки на колесах, выставленные три кольца – один большой в центре и два маленьких по краям, оставались неподвижными. Нет, со своего наблюдательного и командного холма шах Акбар заметил небольшое передвижение людей внутри центрального круга.

Что такое полтысячи шагов – меньше пяти минут быстрого шага. Да и те пять минут не успели истечь, как из незаметных прежде узких щелей в железных домах захлопали вспышки

выстрелов. Приблизившиеся к врагу на двести шагов индусы начали падать один за другим, пораженные невидимыми, но мощными и быстрыми пулями. Первыми упали офицеры, одновременно с ними свалились на землю знаменосцы и редкие барабанщики, почти сразу за ними упали младшие командиры и опытные ветераны. Затем дружинники из цепи валились на землю каждую секунду, вражеским пулям не мешали ни блестящие кольчуги, ни щиты, которыми пытались прикрыться несчастные. Не прошло и пары минут, как пять тысяч бойцов передовой цепи лежали на земле, раненые или убитые. Последними рухнули дружинники, наступавшие в пустом пространстве между русскими укреплениями. Конечно, не все они были убиты, многих пули русов только ранили, самые сообразительные дружинники упали невредимыми, прячась от смертельных выстрелов. Однако это был разгром.

За пару минут шах Акбар потерял пять тысяч воинов, не увидев ни одного врага. Наступавшую армию охватил настоящий ужас, почти все воины видели, что произошло с передовыми отрядами. Однако моголы не смогли бы построить империю, если отступали бы перед трудностями. Тем более что тактика в случае возможной неудачной первой атаки уже была продумана Акбаром и его полководцами. Из обоза наступающей армии буквально выбежали две сотни носильщиков, которые несли привезенные с собой три десятка пушек разного калибра. Эти орудия Акбар велел снять со стен ближайших городов и вместе с пушкарями и запасом пороха доставить к месту сражения. Теперь шах хотел проверить действие огнестрельного оружия на своих врагах. Как говорится, не только у русов имеется новое оружие, которое и моголы умели применять и успешно использовали в течение многих десятилетий. Хотя орудия моголов заметно уступали в скорострельности русским ружьям, но в способности даже каменных ядер повалить железные повозки русов никто из могольских офицеров не сомневался.

Около получаса заняло перемещение орудий и деревянных лафетов как можно ближе к вражеским позициям. Имевшиеся пушки могли выстрелить на расстояние до пятисот шагов, но для разрушения обороны врага необходимо стрелять как можно ближе. Учитывая полученный ценой гибели пяти тысяч бойцов опыт, пушки установили на расстоянии триста шагов до линии обороны русов. На случай вражеской контратаки за пушкарями подвинулись несколько отрядов, окружив артиллерию плотным кольцом копий. Однако ни единого выстрела из пушек так и не удалось сделать. Едва пушкари приступили к заряданию орудий, из щелей железных повозок вновь замелькали вспышки выстрелов, за считанные секунды уничтожившие всю артиллерийскую службу. Затем, словно в насмешку, несколько выстрелов, мелькнувших горящими росчерками по воздуху, подожгли запасы пороха возле орудий. Три взрыва пороховых припасов, один за другим, раскидали пушки и ранили несколько десятков дружинников. Теперь все в армии моголов поняли, что ружья русов стреляют не на двести шагов, а гораздо дальше.

К следующей атаке полководцы Акбара готовились не спеша, в течение двух часов со всего обоза собирали повозки. Их выкатывали на передовую линию войск, загружая хворостом, тюками с хлопком, различным тряпьем, лишь бы создать преграду против ружейных выстрелов. Часто под таким прикрытием из нескольких повозок воины Акбара подбирались к осажденным крепостям, чтобы быстрым рывком захватить их. Настроение могольских воинов улучшалось с каждой новой оборудованной повозкой: все понимали, что под такой защитой быстро и без потерь доберутся до вражеских укреплений. А то, что русов менее двух тысяч воинов, дальновидные командиры успели сообщить своим бойцам. Наступил полдень, но никто не собирался обедать, даже жаркое полуденное солнце не мешало привычным к тропикам южанам стоять на своих позициях; всем не терпелось быстрее покончить с непонятным врагом. Едва солнце сдвинулось с верхней точки на небе, продолжая свой путь на запад, целый табор повозок двинулся в направлении русских позиций, прикрывая грузом хлопка, тряпья и прочего непробиваемого пулями скарба идущих позади воинов.

За груженными повозками двигалась практически вся пешая армия Акбара, командирам не пришлось никого подгонять, настолько сильным было желание воинов расквитаться с

таинственными убийцами, так и не показавшими свое лицо. Несколько сотен повозок бойцы Акбара собрали в три атакующие колонны, двигаясь на позиции русов, подбадривая себя криками и ударами боевых барабанов. Однако неуязвимые для ружейного огня повозки и укрывшиеся за ними моголы не приблизились и на триста шагов, как из центрального круга русских позиций послышались негромкие хлопки. Почти сразу после этого среди атакующих войск стали раздаваться взрывы, выкашивающие десятки воинов осколками. Несмотря на это, моголы продолжали атаковать, укрывшись за повозками, только ускорили движение, чтобы быстрее добраться до русов.

Железные повозки русов пришли в движение, освобождая проход из центрального круга укреплений в сторону атакующих войск. Не успели моголы продвинуться на сотню шагов, выбиваемые падающей с неба смертью, в образовавшиеся ворота русы выкатили два десятка орудий. Спустя считанные мгновения русские пушки выстрелили в сторону всех трех наступающих колонн, буквально в упор, с расстояния от трехсот до тысячи шагов. Сильнейшие взрывы фугасных снарядов раскидали большую часть укрывавших моголов повозок, все прикрытие атакующих воинов оказалось раскиданным и разорванным на куски вместе с самими повозками. Более того, сильные взрывы выкосили десятки передовых бойцов, образовали на местах пропавших повозок огромные воронки. Хотя, несмотря на страшные взрывы, самые опытные дружинники войска моголов устремились вперед, рассчитывая достичь русов до того, как те зарядят свои пушки заново. И, будь на месте русов другой противник, могольские воины успели бы вступить в рукопашную схватку с ним, что было бы настоящей победой. Еще бы, при двадцатикратном численном перевесе иного результата от подобной атаки никто не ждал. А зря! Пушки русов оказались не менее скорострельными, чем их ружья, они выпустили следующие заряды, когда атакующие моголы не успели пробежать три десятка шагов.

На сей раз пушки выстрелили картечью, пробивавшей огромные бреши в атакующих колоннах, но выжившие воины моголов продолжали двигаться вперед. Все понимали, что остаться живыми можно, лишь ворвавшись в укрепления русов, задавить их своими телами, заколоть копьями, изрубить мечами. Тысячи воинов бежали вперед изо всех сил, в надежде преодолеть смертельный участок в триста шагов, отделявший моголов от русов или смерть от жизни. Видимо, вражеский порыв почувствовали даже сами русы, открывшие беглый огонь из своих железных повозок. Узкие щели в стенках повозок окрасились огоньками выстрелов, ясно различимых даже при ярком свете полуденного солнца. На поле боя наступило страшное равновесие между жизнью и смертью. Едва выстрелы русов успевали повалить впереди бегущих врагов на землю, как на их место набегали новые атакующие цепи, чтобы успеть продвинуться вперед на десяток шагов перед тем, как погибнуть.

Ценой сотен и тысяч смертей могольская пехота с каждой минутой продвигалась все ближе и ближе к позициям русов. Казалось, еще немного, и наступающие войска ударят копьями врагов, принесут долгожданную победу шаху Акбару. В это время правитель империи Моголов заметил появившийся в тылу русов пятитысячный отряд всадников, посланный в обход. Акбар почувствовал, что наступает переломный момент в сражении, когда необходимо бросить все на весы победы. Он подал команду десяти тысячам элитных всадников империи атаковать центральный круг обороны русов, поддержать выдыхающихся пехотинцев. С вершины холма император отлично видел, что до позиций русов остается не больше двухсот шагов, боевые кони пролетят это расстояние за считанные мгновения. Пятитысячный отряд поддержит атаку с тыла, внося панику в ряды врага, как это часто происходило ранее. На мгновение шаху показалось, что бой вступает в привычную фазу победного избиения врага.

С командного холма Акбар и его свита отлично видели, как конница двумя красивыми и неотвратимыми лавами врывается в центральное полукольцо обороны русов с двух сторон. Многие начали считать вслух мгновения, оставшиеся до победного столкновения с врагом. Но внезапно всадники начали падать целыми десятками и сотнями, без видимых, казалось бы,

причин. Со своего наблюдательного холма, с расстояния три версты, шах Акбар и его воеводы не видели ничего нового в рисунке обороны русов, пушки все так же стреляли по пехоте, выкашивая дружинников сотнями уже картечными зарядами, ружья из щелей железных повозок все так же мелькали огоньками, выбирая себе отдельные цели. Но отборные всадники конной дружины Великого Могола падали без видимых причин, порой разлетаясь на кровавые куски, иногда вместе с лошадьми. Падали замертво, не добравшись до железных повозок русов. В такой картине прошли бесконечно долгие десять секунд конной атаки, пока звуки выстрелов не достигли холма, где стоял шах Акбар. И тут шаха и его воевод накрыл страшный звук, перекрывший крики раненых, ржание лошадей, выстрелы ружей и тяжелый пушечный рокот.

Дум-дум-дум-дум, – сразу сотня пулеметов ударила очередями из башенок на железных кузовах машин. Звук оказался таким громким, что атака пехотинцев остановилась, несчастные дружинники, избиваемые из ружей, минометов и пушек, падали на землю, закрывая голову руками.

Но это гремела не их смерть, пулеметы искали свою жертву – конницу. И нашли ее, выбивая всадников еще на расстоянии свыше версты. Двенадцать миллиметров калибра не оставляли надежды на ранение, такая пуля отрывает руку вместе с царапиной. Конница, попавшая под кинжальный огонь крупнокалиберных пулеметов, таяла на глазах. Несчастные жеребцы и кобылы не успевали остановить свой бег, умирая на скаку. Не прошло и пяти минут, как исход сражения был решен. Выжившая рассеянная по долине конница отчаянно выбиралась обратно, к холму, на котором ярким пятном выделялась охрана императора Акбара. Опытные ветераны-всадники понимали, что необходимо выбраться живыми, чтобы было кому собирать следующую армию Великих Моголов. В том, что шах Акбар вновь соберет еще более сильную армию, никто из его ветеранов не сомневался. Даже сам Акбар начал верить в то, что напрасно атаковал русов в чистом поле, собираясь окончательно вернуться к идее разгрома русов атаками из засад. Для этого он уже отдавал команды о быстром отступлении, подчинив все цели выходу из сражения с наименьшими потерями, с быстрым отходом и сбором новой армии.

Но старый русский вояка, подполковник Гогеншауфен рассуждал аналогично и, в отличие от загиндаров и джагиндаров империи Моголов, не собирался больше воевать с войсками Акбара. Потому, убедившись в окончательном разгроме атакующих пехотинцев и всадников, Фредерик велел командиру пушкарей перенести массированный артиллерийский огонь на командный холм. Для профессионалов разнести в клочья цель в пределах прямой наводки – исключительно легкая задача. Им трудно промахнуться даже в азарте тяжелого боя. Не прошло и пяти минут, как тяжелые фугасные снаряды снесли командный холм до основания, не оставив никаких шансов найти там живого человека. Задача, поставленная наместником командованию, оказалась выполненной, шах Акбар был уничтожен вместе с отборными частями своей армии. Империя Великих Моголов пала под ноги завоевателям, не осталось силы, способной организовать сколь-нибудь внятное сопротивление новороссийским войскам на огромной территории северной Индии.

Увидев гибель шаха Акбара и всех его полководцев, остатки армии Великих Моголов окончательно пали духом. Пехотинцы начали массово сдаваться, бросая оружие под ноги. Всадники попытались уйти от плена, выбираясь с поля боя в сторону столицы. Они еще не знали, что через полчаса на их пути будет выброшен десант, вооруженный автоматами. И спустя два часа двести десантников после короткой перестрелки захватят в плен остатки армии покойного шаха Акбара численностью восемь тысяч всадников. Путь на столицу империи был свободен; уже на следующий день, оставив на месте команды трофейщиков и конвой для пленных, три батальона под командованием подполковника Гогеншауфена быстрым маршем двинулись дальше. В гористой лесостепи на машинах группировка проходила до ста пятидесяти верст за день. Через неделю они без боя захватили столицу империи Фатхпур-Сикри, со всем двором Великого Могола, его женами и наложницами, его казной и придворными, его пра-

вительством и военачальниками. Многие из них не верили, что русы движутся так быстро, и просто не успели убежать, думая и действуя по привычным всем шаблонам, по привычным скоростям.

Оставшись с одним батальоном в столице, чтобы принять капитуляцию и навести порядок, подполковник два остальных батальона направил в богатейшие соседние города Агру и Джайпур, даже не пытавшиеся оказывать сопротивление. Все жители бывшей империи к тому времени знали о гибели шаха Акбара и оглушительном разгроме его армии. Слухи разлетелись на огромном пространстве от Инда до Ганга, от океанского побережья до отрогов Гиндукуша. Следом за сообщениями о разгроме армии Великих Моголов шли рассказы о великодушии новых властей, о том, что русы сохранили все старые законы и налоги. О том, что русы не грабят мирных жителей и сохраняют прежним хозяевам их владения, если те не сопротивляются новым властям. Дальнейшее завоевание имперских земель происходило бескровно, все жители знали о сохранении старых налогов и привычного порядка жизни. Также о том, что убивать и грабить новые завоеватели никого не будут, только тех, кто рискнет сопротивляться с оружием в руках. Учитывая уничтожение русами непобедимого шаха Акбара, желающих сопротивляться новым господам было крайне мало. Исключительно глупцы, число которых резко уменьшилось после встречи с русскими пулеметчиками.

Однако после короткого отдыха, когда относительный порядок в столице был наведен и окрестности были заняты подоспевшими тыловыми отрядами русов, германские пехотинцы двинулись дальше, вниз по течению реки Ганг. Там, на волне всеобщего страха перед победителями шаха Акбара, силами трех батальонов, получивших пополнение боеприпасов, подполковник Гогеншауфен захватил целый султанат, не входивший в империю Моголов. Не обошлось, конечно, без вооруженных стычек, но совершенно терявшихся на фоне сражения с армией Акбара. К тому же навстречу подразделению подполковника Фредерика, вверх по Гангу, против течения, поднималась флотилия самоходных катеров. Буджакские казаки, выступавшие в роли морского десанта, а на Ганге – в роли речного десанта, сумели поднять настоящую панику в рядах местных вояк. Не без личного интереса, конечно, но в рамках поставленной задачи по захвату всей дельты Ганга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.